

Тим Скоренко

САД
иеронима
босха

Черная роза

Тим Скоренко

Сад Иеронима Босха

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805395

Сад Иеронима Босха: Снежный Ком М; М.; 2011

ISBN 978-5-904919-12-2

Аннотация

Нет, Мессия не спустился с небес в белых одеждах в окружении ангелов и сиянии славы. Он приехал в Рим на случайной попутке, на ногах у него были грязные стоптанные ботинки, а во рту не хватало нескольких зубов. Он крал, убивал и прелюбодействовал, но это не имело значения, потому что его назвали новым Христом в прямом эфире всех телеканалов мира. И человечество получило того, кого заслуживало.

Содержание

1	4
2	52
3	99
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Тим Скоренко

Сад Иеронима Босха

1

Преддверие

«Выколи глаза самому себе, ибо в слепоте путь к спасению», – скажет Джереми Л. Смит с телеэкрана. Вы тут же возьмёте спицу и прямо перед телевизором лишите себя зрения, я не сомневаюсь. Каждое слово, которое произносит Джереми Л. Смит, – абсолютная истина. Если Джереми Л. Смит скажет, что убивать можно, то все государства мира тут же узаконят убийство и внесут его в конституцию. Потому что Джереми Л. Смит – Правдитель Сермяжный, Мессия, новый Христос.

Всё, что вы читали в учебниках про Джереми Л. Смита, – это чушь. Полностью, от начала и до конца. Всё, что вы знаете о нём, – это та самая трансляция из Ватикана и гора глупостей, придуманных фальшивыми биографами. На каждом уроке по житию Джереми Л. Смита ваши учителя втолковывали вам бред, запомните это.

Ни одного слова правды. Бред сивой кобылы. Правда – это то, что вы видите своими глазами. То, что вы можете купить.

То, что вы можете трахнуть.

Вам кажется, что Джереми Л. Смит спустился с небес. Поднялся из ада. Сошёл с корабля слепых. Явился из столпа света. Но это не так. Джереми Л. Смит смотрит с каждой картины Иеронима ван Акена Босха. Лишь Босх и в какой-то мере Питер Брейгель-старший могли увидеть Джереми Л. Смита таким, каким вижу его я. Они всю жизнь изображали его на своих холстах. Человек, пожираемый рыбой, и одновременно рыба, пожирающая человека; слепец, верящий посоху, и посох, обманывающий слепца, – всё это Джереми Л. Смит. Но вы ещё не готовы к истине, поэтому я не буду забегать вперёд.

В 1963 году Ли Харви Освальд убил президента США Джона Фицджеральда Кеннеди. Вы, конечно, читали о том, что ружьё Освальда, карабин «Каркано» М91/38 1963 года, уже на расстоянии в тридцать футов давало отклонение на пару дюймов. На том расстоянии, с которого Освальд якобы пристрелил президента, карабин был бесполезен. Пуля даже не долетела бы до головы Кеннеди. Не говоря уже об угле, под которым она вошла в президентскую голову. И неспроста Освальда убили вскоре после того, как взяли под стражу. Всё не так, как написано.

На самом деле правду не узнает никто и никогда. Никто, кроме фанатов телесериала «Секретные материалы», не знает, кто убил Кеннеди. Последние уверены, что это сделал Курильщик. Остальным приходится довольствоваться версией

об Освальде. Будьте довольны этой версией. Другой для вас нет. Кеннеди убит Освальдом из того самого допотопного карабина.

Вы не знаете, кто открыл Америку. Вы не знаете, кто написал «Мону Лизу». Вы не знаете даже, кто был первым президентом США, потому что вы этого не видели. Вы не присутствовали при подписании Декларации независимости, значит, она поддельная. А может, и настоящая. На каждый вопрос есть два ответа: «да» и «нет».

Истины может быть две.

Первая: вы видели это своими глазами.

Вторая: это сказал Джереми Л. Смит.

Вся проблема в том, что Джереми Л. Смит – американец. Вы ненавидите американцев. Этим жирных тупых ублюдков, которые жрут в «Макдоналдсах», а потом подают в суд из-за своего ожирения и почечной недостаточности. Вас тошнит от их Бушей и Обам, от этих недоделанных гундосов, страдающих дислексией и выползающих в президенты. Вас бесит, что губернатором Калифорнии, самого богатого штата, становится недоучившийся качок. Вас раздражают их тупые фильмы, молодёжные комедии и сказки с мегадорогими компьютерными спецэффектами.

Вы ненавидите их бабло – в первую очередь. Они покупают себе дома и машины, когда вы ютитесь в однокомнатной квартирке и тратите на дорогу до работы два часа в день, потому что кольцевую линию метро опять перекрыли.

Но Джереми Л. Смит – американец, которому вы вынуждены поклоняться. Бить лбом. Целовать его изображение и молиться. Тупой ублюдочный пиндос, Мессия, новый Христос.

* * *

Сначала я расскажу вам то, что вы знаете.

Джереми Л. Смит родился в Юте. В крошечном городке на юге штата. Когда ему стукнуло пятнадцать, он убрался из своей клоаки. Сел на первый попавшийся автобус и приехал в Нью-Йорк – через кучу миль и штатов. Вам говорят, что это было его святое паломничество через песчаные земли. Через пустыню. Там его ждали искушения, которые он преодолел. А потом он поехал в Италию – когда ему стукнуло двадцать один. На него снизошло откровение: нужно ехать в Италию. Нужно ехать к Папе Римскому. Его озарило, и он, преодолевая все трудности и невзгоды, пересёк океан. Иона в чреве Левиафана. Потом было то, что вы видели, то есть правда.

А теперь я расскажу вам то, чего вы не знаете.

У Джереми не было отца. Но не потому, что мать страдала непорочным зачатием и прочей религиозной дрянью. Нет, что вы. Просто она давала всем направо и налево. Она была шлюхой, местной шлюхой: для такого городка как раз достаточно одной. Отцом Джереми был мясник, отцом Джереми

был молочник, отцом Джереми был даже тот парень с бензоколонки, которого позже разможило по стене хромированным бампером «Шевроле» 1998 года.

Мать называла Джереми не иначе как «маленьким ублюдком». Нет, я вру. Иногда она называла его «подонком», а иногда «уродливым отродьем». По-всякому. Она была его до тех пор, пока ему не исполнилось двенадцать лет. Просто однажды Джереми поймал её руку в полёте и вывернул так, что она выскочила из сустава. И больше мать никогда не была Джереми. Три года она не разговаривала с ним вообще, а потом провалилась в колодец на заднем дворе. Она сломала обе ноги и руку, получила сотрясение мозга. Джереми вытащил бы её, будь он поблизости. Но в тот момент Джереми курил травку со своим другом Терренсом Бишопом.

Нет, вы ничего не знаете про Терренса Бишопа. Он не дожил и до восемнадцати. Он утонул в местном озерце, когда полез купаться, укутившись в зюсю.

Вы готовы сжечь меня живьём, я понимаю. Я говорю ересь, за которую Святая Инквизиция размазывала кишки по камням пыточных камер. Но я говорю вам правду. Впрочем, вы не видели этого своими глазами, значит, это не может быть правдой для вас. Для меня это – правда, потому что это сказал Джереми Л. Смит.

Вы когда-нибудь интересовались, что означает «Л.» в его имени? Лесли? Людвиг? Ланкастер? Да, сейчас, как же. Ланкастер. Войны Алой и Белой розы. Сейчас.

Он сам приписал себе этот инициал. Потому что ему, этому хитрожопому ублюдку, повезло. В команде «Королевы Марго» был некий Джереми Л. Смит. А наш Джереми был просто Джереми, без всякого «Л.». И он пририсовал к своему имени эту чёртову букву, чтобы пролезть на корабль. Настоящий Джереми Л. Смит в это время гнил где-то в канаве. Он просто нажрался, упал и разбил свою пустую башку об асфальт.

Но я отвлёкся. Надо вернуться немного назад.

Джереми нашёл мамашу не сразу. Просто на третий день он пошёл к колодцу и почувствовал, что оттуда воняет не так, как обычно. Вода была мутная, коричневая и пахла гнилью. Так было однажды, когда в колодец упала коза. Но теперь это была его мать, и Джереми видел её цветастое платье, её волосы и белую руку, которой она цеплялась за стенку колодца перед смертью. Вы думаете, Джереми вызвал полицию? Как бы не так. Он-то сразу понял, что это его мамаша. Поэтому он собрал рюкзак, выгреб из банки мамашины сбережения и пошёл на шоссе. Он никому ничего не сказал, даже Терренсу Бишопу.

Его подобрал старый потёртый «Кадиллак» двадцатилетней давности. За рулём сидел чёрный, который курил какую-то дрянь. Он ежеминутно начинал рассказывать Джереми новую байку о том, какие белые сволочи, и о том, какой он хороший, что взялся подвезти белого. Джереми молчал. Чёрный довёз его до Кантерна. Там по меньшей мере была

автобусная остановка. Джереми сел на автобус и поехал в Нью-Йорк.

Чёрного звали Хистер Уистен. Вы все видели его по телевизору. Вы читали о нём в учебниках: одна глава в общеобразовательном и три главы в смитологическом. Он стал пророком, предтечей. Он несёт людям слово, которое готовит их к приходу Смита. Это та правда, которую вы должны знать.

На самом деле Уистен сказал про Джереми Л. Смита только одну фразу. В Кантерне, в баре. Он хлопнул по плечу бармена и на вопрос «Как дела?» ответил, что хорошо. Что он только что подвёз какого-то белого ублюдка и даже ни разу не плюнул ему в морду. Бармен рассмеялся и сказал, что Уистен выиграл спор. Уистен всегда плевал в белых, когда у него была такая возможность.

Если вы были в США, в этой уродской грязной стране, вы, конечно, проехали по маршруту Джереми Л. Смита. Вам говорят, что это тот самый автобус, в котором ехал Джереми Л. Смит, но это тоже правда, которую вам продают за ваши деньги. На самом деле это просто такой же автобус.

С тем самым автобусом у вас уже ничего не получится. Его водитель, Бенджамин Бикс из Огайо, любил выпить пивка за рулём. Он был нетрезв и в тот день, когда на его автобусе ехал Джереми Л. Смит. Сидел на кресле номер тридцать четыре. В учебнике написано, что там, где проезжал автобус, распускались цветы и исцелялись убогие. На самом деле Смит просто пил своё пиво и разглядывал журнал с голыми

девками. Но об этом позже, чтобы не травмировать вас вот так, сразу.

Бенджамин Бикс всё-таки спустил свой грёбаный автобус с обрыва. Это произошло через два года после того, как он высадил Смита на автобусном вокзале в Нью-Йорке. Бикс вёз шестнадцать пассажиров, в том числе троих детей. Двухлетней Бетти разmozжило голову о стойку поручня. Шестилетний Майкл протаранил своим телом окно и был вмят в землю корпусом автобуса. Выжила Лиза, ей было на тот момент девять лет. Она не получила ни царапины, а кровь, в которой она лежала на крыше перевернутого автобуса, принадлежала её матери, насаженной на обломок поручня, как на кол. Бенджамин Бикс умер в больнице через три дня. Автобус после освидетельствования был сплюснен и отправлен на автомобильное кладбище.

* * *

Вы знаете всё, что происходило в последующие пять лет. Точнее, вы прочитали об этом в учебнике. Вы видели об этом несколько документальных фильмов. Вы думаете, что знаете всё.

На самом деле это тоже чушь. Сказочка на ночь от доброго самаритянина.

Вам говорили, что Джереми Л. Смит в поте лица работал в автомастерской. Что у него был злой и ужасный начальник,

но Джереми Л. Смит простил его и благословил. Что он работал в закуской, и повар постоянно гонял его, но Джереми объяснил повару, что все люди равны и прекрасны, и повар оказался добрым малым. Вам рассказывали, как Джереми Л. Смит помогал нищим на улицах большого города, как он спас девочку из-под колёс автомобиля, как отговорил самоубийцу от прыжка с моста. Вам рассказывали о том, каким праведником был Джереми Л. Смит, как он учил и просвещал.

На самом деле это – самая большая чушь из всей, которая только есть в биографии Смита.

Он работал в автомастерской три месяца, и это правда. Его большой жирный начальник, отвратительное потливое чмо, всё время орал на Джереми, потому что тот ни хрена не делал. Джереми должен был приносить начальнику чай, и Джереми всегда мочился в него, прежде чем донести до шефа. Механик по имени Гидли регулярно подшучивал над Джереми и издевался над ним. Джереми не благословил его, что вы. Не верьте учебникам. Джереми выбил домкрат из-под «Тальбота» 1984 года, который Гидли ремонтировал. Гидли отшибло обе ноги. Теперь он не может ходить. Он сидит в своей коляске и на чём свет материт Джереми, всё время маячащего на телеэкране.

За это Джереми был тут же уволен. Хотя никто не смог доказать, что Джереми намеренно покалечил Гидли. Напоследок Джереми зашёл в кабинет начальника, пока того не

было, нагадил на стол и размазал собственное дерьмо по всему кабинету.

Конечно, Джереми Л. Смит прожил пять лет в Нью-Йорке. Конечно, он должен был работать, потому что иначе он просто не выжил бы. Но ни на одном месте он не держался больше месяца, не считая автомастерской. Он работал не в одной закусочной, нет, что вы. В десятке, а то и в двух. Сначала он мыл посуду в крошечной забегаловке на какой-то мелкой стрит на окраине. А потом его перевели в официанты. И однажды повар поймал его на том, что он вымазывает сопли в салате, который несет посетителю.

Джереми делал это постоянно. Не верите? Да, всё именно так. Джереми обтирал бифштекс о внутреннюю поверхность унитаза в сортире для персонала. Этот говнюк плевал в суп, сморкался в салат и дробил в хот-доги. Вы ели его слюни. Его сопли. Его сперму. Запомните это, вы все ели то, чем испражнялся этот Мессия, Джереми Л. Смит. То, что плавает в вашем супе, – это не капуста. Это сопля. Длинная. Солёная. Похожая на капусту, но это не она. «Жёлтый китайский чай» – это моча. Она не пахнет мочой, потому что у заварки сильный запах. Но моча там есть. Это отходы Джереми Л. Смита. Продукты его жизнедеятельности. То, что он пропустил через себя.

Самое страшное, что сейчас, после всего этого, вы готовы жрать всё, что он вам предложит. Джереми Л. Смит может приказать с экрана отсосать друг у друга, и вы это сделаете.

Он прикажет лизать свою задницу, и вы будете делать это с удовольствием.

Девочка под колёсами была, это почти правда. Джереми Л. Смит толкнул её в спину, чтобы посмотреть, как её размажет по лобовому стеклу «Понтиака». За рулём «Понтиака» – Элли Кардейл, тридцати шести лет, мать-одиночка. Она успела нажать на тормоза. Девочку зовут Эллен Петерс, вы все её знаете. Вы видели её по телевизору. Она говорит, что почувствовала прикосновение Джереми как прикосновение Бога. Она молчит о том, что, когда обернулась и увидела его ухмыляющуюся рожу, громко послала его в задницу. Она сказала, что он ублюдочный мудака, что его мать была шлюхой. Джереми Л. Смиту было плевать. Его мать и в самом деле была шлюхой.

Каждый из тех, с кем хоть раз сталкивался Джереми Л. Смит, готов дать интервью. Рассказать всю правду о величии Джереми. О прикосновении Бога.

Это Хопкинс, смотритель бассейна. Джереми Л. Смит помочился в бассейн, пока смотритель не видел. Хопкинса уволили. Теперь Хопкинс говорит, что это было благословение. Что купавшиеся в освящённой воде исцелялись. И он тоже исцелил своё плоскостопие. В доказательство Хопкинс снимает носок и показывает в прямом эфире свою покрытую грибок ногу.

Это Лада, стриптизёрша из клуба «Ночная свинья». Джереми Л. Смит наврал ей, что умеет делать татуировки и рас-

крутил её на двадцать баксов. Он изувечил кожу на её плече, в итоге так ничего и не сделал. Теперь она с гордостью показывает священный шрам. Она позволяет дотронуться до него особо приближённым. Её парень, Джимми Картер, мелкий торговец марихуаной, целует её в шрам и говорит, что чувствует при этом особое блаженство.

Это Билл, бездомный. Джереми Л. Смит помочился на него, когда тот спал, накрывшись газетами. Билли не догнал гадёныша. Теперь Билли всем хвастается, что лично знает Джереми Л. Смита. Это такое клеймо. Если на тебя помочились – вы уже знакомы. Как после секса.

* * *

Джереми Л. Смит почувствовал, что на него снизошло просветление, купил билет на белоснежный лайнер и отправился в Ватикан для исполнения своей миссии. Миссии, которая открыла его миру. Это то, что вы знаете. То, что вы прочитали в учебнике.

Джереми Л. Смит не покупал билета. Он бы и за десять лет работы не скопил денег на билет. Почти все деньги уходили у него на марихуану и прочую дрянь. Он не колол себе тяжёлые наркотики – героин и подобные ему – только потому, что у него не было денег.

Просто в тот момент Джереми работал грузчиком в порту. Не простым трудягой, который таскает тяжести из контейне-

ра в контейнер, а грузчиком на учётном складе. Возьми груз номер 2496, перевези на полку 18 в ряду 124 и так далее. Начальником его была женщина по имени Полли Сазер. Вы все её видели по телевизору. Она произносила все эти штампованные фразы, написанные сценаристами. Всю эту чушь про божественное откровение, про ореол вокруг головы Джереми Л. Смита и про его скромность и доброту. На самом деле Джереми Л. Смит просто трахал Полли Сазер, когда она этого хотела, и потому держался на работе. Ей было сорок шесть, муж бросил её десять с лишним лет назад, и ей хотелось, чтобы её трахал какой-нибудь молодой кобель. Джереми было пофиг, в кого вставлять. Пока его держали на работе и платили за неё, он трахал эту старую перечницу, дуру из дур. Он валил её на стол прямо в небольшом кабинетике, или в подсобке, или на пол между дальними полками склада и имел со всех сторон.

Именно поэтому у Джереми был ключ от кабинета. Именно поэтому однажды вечером он забрался в кабинет, чтобы покопаться в вещах и бумагах Полли, найти пару баксов и свалить куда-нибудь. А потом Джереми Л. Смит увидел корабль. Это была его мечта – вот такой огромный лайнер с казино и прогулочными улицами на борту, с ресторанами и бесплатной выпивкой в любой момент. А когда он открыл папку с лайнером, он нашёл в ней документы палубных рабочих, которых Полли «сдавала в аренду» кораблю для тяжёлых работ с грузами в трюме.

Никаких особо тяжёлых грузов в трюме не было и быть не могло. Просто капитан и два человека от Полли знали, что в дальнем конце трюма спрятаны два ящика с героином. Целое состояние. Полли получала свою долю, капитан получал свою. И все были счастливы. Одного из подставных рабочих звали Каспер Снайп, а второго – Джереми Л. Смит. Он не был родственником нашему Джереми. Просто тёзкой и однофамильцем. Мало ли Смитов в Америке. В мире.

Тогда Джереми понял, что у него есть шанс. Из Джереми Смита он превратился в Джереми Л. Смита.

Напоследок он поджёг склад Полли Сазер. Она называет это «божественным очищением».

* * *

Вы ничего не знаете о том, что Джереми Л. Смит делал на корабле. В учебниках эта часть его биографии описана одной фразой. Он сел на корабль и поплыл в Европу.

В первую очередь вы не знаете, зачем он поплыл в Европу. Но этого я вам пока не расскажу. Всему своё время.

У Джереми Л. Смита были очень простые обязанности. Он должен был просто сидеть около груза и сторожить его. Эти два ящика всегда должны были находиться в его поле зрения. Потом его сменял Каспер Снайп, а Джереми мог идти спать. Или не спать – как ему хотелось.

Вы думаете, Джереми и в самом деле сидел на ящиках и

смотрел за ними? Как бы не так. Когда Каспер сдавал смену, Джереми выжидал пятнадцать минут и сваливал шататься по кораблю. Он мог пройти в третий класс и даже во второй: удостоверение рабочего позволяло ему это. Но в первый класс у него допуска не было. Он не мог попасть во все эти VIP-зоны, в самое дорогое казино на лайнере, к загорающим блондинкам в купальниках, к их декоративным мопсам и декоративным мужьям.

Вам рассказывают о том, как Джереми Л. Смит шёл по кораблю, вокруг него распространялось сияние, а люди расступались перед его божественной фигурой. Впрочем, даже это – только в специализированных учебниках. В обычных – ничего подобного. Просто сел и поплыл.

Джереми Л. Смит забрался в каюту Уильяма Рокуэлла, пассажира второго класса. Вы видели Рокуэлла по телевизору. Он рассказывает о том, как оказал помощь самому Мессии, Джереми Л. Смицу. Он рассказывает, как дал тому новую одежду и как тот благословил его.

На самом деле всё было проще. Джереми Л. Смит сломал замок в двери Рокуэлла и пробрался в каюту. Он покопался в чемоданах, нашёл приличный костюм и надел его. Он причёсался перед зеркалом расчёской Рокуэлла, побрызгался его дезодорантом и побрился его бритвой. Он стал похож на человека, который имеет право пройти в первый класс. Только теперь удостоверение рабочего уже не подходило Джереми Л. Смицу.

Пассажиры второго класса имели доступ к первому. Поэтому Смит дождался, когда Рокуэлл вернётся в каюту, и оглушил его, ударив сзади по голове. Это божественная шишка, Господня гематома. Это черепно-мозговая травма от самого Мессии. Смит нашёл в кармане у Рокуэлла удостоверение пассажира второго класса. Там не было фотографии. Там были имя и штрихкод.

Поэтому, когда Джереми Л. Смит вышел из комнаты, он стал Уильямом Рокуэллом. Он старался идти ровно, не горбясь, как ходил обычно. Он старался не крутить головой по сторонам. Он выглядел хорошо – вероятно, впервые в жизни.

Вы не видели Джереми Л. Смита таким, каким он был на самом деле. Вы никогда не видели его трусов, вонючих и грязных, не менявшихся по две-три недели. Вы не видели его засаленного свитера, который был на нём, когда он ковырялся в автомобилях в мастерской и таскал грузы на складе. Вы не видели его китайских кед, которые он менял раз в год. Тем более вы не видели его носков. Думаю, вы бы не захотели их видеть. Вам кажется, что Джереми Л. Смит – это человек в белом костюме, который светлыми глазами глядит на вас с телеэкрана. Человек с гладкими чистыми волосами и импозантной бородкой. Или чисто выбритый – как когда. Человек, который поднимает руки и благословляет вас. Вы уверены, что находиться рядом с ним – это счастье. Что он благоухает миртом и ладаном.

Это всё чушь. Это не настоящий Джереми Л. Смит. До то-

го момента, как он вымылся в каюте Рокуэлла и переоделся в его костюм, Джереми Л. Смит вонял только потом и мочой. И – иногда – марихуаной.

Охранник, стоящий на проходе между палубами первого и второго классов, пропустил Джереми без вопросов, мельком глянув на удостоверение.

Джереми не боялся, что Уильям Рокуэлл вернётся. Он был слишком взволнован и окрылён. Слишком глуп. Но Рокуэлл не вернулся бы в любом случае. Следующие два дня он пролежал в своей каюте без сознания. А потом ему повезло: он очнулся и сумел вызвать стюарда. Но описать нападавшего он уже не смог: не помнил.

Джереми Л. Смит в это время был в раю. Не он создавал рай вокруг себя, что вы. Вам рассказывают так? Пошлите в задницу любого, кто скажет вам эту чушь. Смит стоял в самом центре верхней палубы. Он смотрел на бассейны, на красоток в бикини, держал в руках бокал с халявной выпивкой. Его куриных мозгов хватало на то, чтобы не высываться. Чтобы стараться подражать окружающим.

На корабле Джереми Л. Смит совершил несколько мерзких поступков. Потому что он не мог не нагадить тем, кому завидовал всю жизнь. Он зашёл во внутреннее помещение бара, пока бармен был снаружи, а его помощник отлучился, и стащил несколько бутылок виски. Через пару часов он снова повторил этот трюк, поставив на прежнее место бутылку с собственной мочой. Он научился таким штукам, ещё когда

работал в ресторане.

Я думаю, не стоит больше описывать подвиги Джереми Л. Смита на корабле. Всё и так понятно. Мы имеем тут дело не с человеком, а с куском дерьма. С пророком из канализации, с мессией-недоделком. Со святым мудаком. Скажи я это вслух, при вас и ваших родителей, ваших друзьях, ваших сёстрах, и вы загрызёте меня. Ткнёте пальцем и заорёте: «Богохульник! Ублюдок!» Говорят, когда Зигмунд Фрейд в начале двадцатого века прочитал свой первый доклад про либидо, из зала кричали, мол, полицию нравов сюда. Вы – такие же. Вы орёте про полицию нравов, про святость, про необходимость подчиняться правилам, про приличия и веру. На самом деле вы просто не хотите мараться в дерьме, даже если оно рядом и мешает вам жить. Вы не хотите убрать навоз, потому что думаете, будто можете жить, не чувствуя его запаха.

Но есть такие, как я. Я не просто убираю навоз вокруг вас. Я беру его и заставляю вас его понюхать. Попробовать на вкус. И только потом – убираю.

Джереми Л. Смит – это всего лишь край навозной кучи.

* * *

Джереми Л. Смит спустился на берег в городе Бресте, Франция. В огромном порту, по техническому трапу для персонала. У человека в костюме, чистого и выбритого, ни-

кто не спросил документов. Пассажир, подумали они. Хочет осмотреть порт. Напоследок Джереми Л. Смит обокрал несколько кают. В последнюю ночь перед прибытием, когда все веселились и танцевали на главной палубе. У него были наличные, у него была хорошая одежда. У него было удостоверение на имя Джереми Л. Смита и паспорт Уильяма Рокуэлла. Джереми не был похож на Рокуэлла, но никто не обратил бы на это внимания, нигде.

На самом деле Джереми поехал в Европу не для того, чтобы любоваться её красотами. Не для того, чтобы нести мир и любовь. Он не знал, что такое любовь, потому что его никто и никогда не любил.

Джереми поехал в Европу из-за Джона Джонсона, этого толстожопого идиота, пиндоса с большой буквы, пожирателя гамбургеров и дешёвого пива. Джонсон виноват во всём. Если бы не Джонсон, вы бы никогда не узнали, кто такой Джереми Л. Смит. Вы бы никогда не увидели эту харю на экранах своих телевизоров. Вы бы жили совсем иначе.

Просто однажды Джереми Смит, тогда ещё без всякого «Л.», зашёл в бар пропустить стаканчик. В баре было душно и накурено, а за одним из потёртых столов сидели два завсегдатая, Джон Джонсон и Мак Персон. Они пили пиво, похожее на кошачью мочу, а Джонсон жевал гамбургер. Струйка соуса стекала у него по подбородку. У Джонсона никогда не было бабы. Ему было двадцать семь, и ни одна сука не дала ему за всю его жизнь, потому что он был омерзителен. Жир-

ный ублюдок с дряблым подбородком. Он постоянно сидел на пособиях и иногда получал деньги от матери, жившей на другом конце страны. Теперь вы видите Джонсона по телевизору. Вам показывают чёрно-белые фотографии пухлого мальчугана и одну цветную – полного подростка, улыбающегося во весь рот. Больше ни одной фотографии вы не видели. Потому что на остальных жирный Джон Джонсон изображён в фас и в профиль на фоне светлой стены. Эти фотографии сделаны в полиции. Вам говорят, что Джонсон не дожил до триумфа Джереми Л. Смита, что его трудная и праведная жизнь завершилась отходом на небеса. Бог забрал его, чтобы вознаградить за все мучения, перенесённые на земле. Это чушь. Джонсон умер от инфаркта прямо на улице, около мусорного бака, в грязной луже, в возрасте двадцати восьми лет. Сердце не выдержало нагрузки. Не выдержало гамбургеров и дешёвого пива.

Вы никогда ничего не слышали про Мака Персона. Потому что Персон отказался от съёмок. Он отказался от популярности. От второстепенной роли в Житии Джереми Л. Смита. Он уехал на Аляску, в самый дальний штат, в самый дальний посёлок, он спрятался от всех. Это была единственная встреча Персона и Смита – в тот день, в баре. Они видели друг друга не раз, но говорили только в тот день. Вы ничего не знаете о Персоне, вам и не стоит ничего о нём знать.

Джереми взял пиво и подсел к Джонсону.

Я могу пересказать вам содержание их разговора. Они го-

ворили о тёлках – о сиськах и задницах. Они говорили о машинах – о «Сандербёрде» 98-го года и ещё о каких-то других моделях. Они говорили о пиве, кажется. А потом Джонсон рассказал похабный анекдот про Папу Римского, и они ржали до колик. В анекдоте кто-то целовал Папе Римскому туфлю. И Джереми Л. Смит спросил: «А чё, все, что ль, должны целовать ему ноги, а?» «Все», – ответил Персон, хотя не был в этом уверен. «А кто не хочет, тот должен поцеловать его в задницу», – сказал Джонсон.

Джереми смеялся над шутками Джонсона. Не смеялся даже – ржал. У него не было двух зубов с левой стороны, тройки и четвёрки. Вы видели его сияющую улыбку по телевизору? Это макет, игрушка. У него нет ни одного своего зуба. Его гнилые чёрные зубы вырвали с корнем, все до одного, и вставили новые, белые и ровные, как у голливудской звезды.

Но тогда у Джереми были его родные зубы, испорченные кока-колой и прочей дребеденью, и Джереми смеялся во всю глотку и показывал свои зубы. А ещё у него воняло изо рта. «В задницу, точно вам говорю», – подначивал Джонсон, а Джереми смеялся, и Мак Персон тоже смеялся. «А Папа – лысый, а?» – спросил Джереми. «Наверное, хрен его знает», – ответил Джонсон. И тогда Джереми пошутил: «Значит, его и в лысину можно поцеловать, ага».

Они ржали до колик, три ублюдка, уроды, наросты на теле общества. Отпрыски счастливого американского детства. Гордость страны и мира. Приёмные дети Рональда Рейгана

и Джорджа Буша. Ржали, пили пиво и курили какую-то мерзость. Теперь вы видите совсем другого Джереми. Совсем другого Мессию. Такого, какой вам нужен, какого вы просите. Белозубого, улыбчивого, величественного. «Улыбайтесь, люди!» – говорит он с телеэкрана и в доказательство своих слов раздвигает уголки рта. И вы улыбаетесь, потому что это не призыв. Это приказ. Нейролингвистическое программирование. Освящение воды в стаканах на ваших столах. Леченные проказы взглядом.

А потом Джонсон сказал: «Спорим на сто баксов, жопа, что ты не поцелуешь Папу в лысину?» А Джереми сказал: «Спорим, чё». И воткнул в стол перочинный нож.

Вот и вся причина. Они поспорили, два урода, поспорили на сто баксов. И Джереми Л. Смит сел на корабль и отправился в Европу. Папа Римский был для них просто комическим персонажем, Дональдом Даком, Микки-Маусом, героем мультика. Они знали, как выглядят Том и Джерри, но не знали даже имени Папы. Он был их Багзом Банни, псом Гуфи, Скруджем, Чипом и Дейлом. Плюшевого Чипа можно погладить около универсама «Рейнольдс» в Санта-Монике, например. И ещё в двух десятках городов. Папа живёт в Риме, где-то на краю земли, далеко от Центра Мира, от их сияющей Америки, гордости планеты, идиллической картинки из рекламного проспекта. Значит, нужно поехать туда и потрепать его по щеке, погладить плюшевого героя. Логика проста.

Вам кажется, что я несу чушь. Вы не можете мне поверить, не можете меня понять. Вы готовы смешать меня с грязью, потому что я смешиваю с грязью вашего идола, вашего кумира, самого Джереми Л. Смита. Обгадитесь прямо сейчас, прямо на этом месте: я буду продолжать. Мне плевать на ваше мнение обо мне. Я хочу, чтобы вы знали правду. Даже если вы в неё не поверите.

Джереми Л. Смит ничего не хотел себе доказывать. Ему было плевать даже на эти дурацкие сто баксов. Ему было плевать абсолютно на всё. Что-то щёлкнуло у него в голове, и он сел на тот корабль. А потом сошёл в Бресте, западное побережье Франции.

* * *

В Бресте он купил карту Европы. Когда он сел на лайнер, он знал только, что корабль плывёт куда-то в Европу. Потом он услышал, что корабль плывёт во Францию. Он не знал даже, где эта Франция и где относительно неё находится Рим, в котором живёт Папа. Вы представляете себе? Если бы у Джереми Л. Смита спросили, где находится Америка, и дали ему карту мира, он бы не ответил сразу. Он стал бы искать её. Если провести на улицах США опрос, то половина респондентов будет искать свою великую страну где-то в Африке, потому что Африка – в центре карты. Вокруг Америки вращается мир, думают они, вокруг нас, вокруг наших

небоскрёбов и закусочных. Джереми был точно таким же. Он не знал, где Рим, не знал, где Франция, и не знал, куда ему нужно ехать из Бреста.

Поэтому он купил карту Европы и в течение часа сидел на скамейке в парке недалеко от порта в поисках нужных ему дорог. Он нашёл Италию, нашёл Рим и нашёл трассу. Джереми умел ездить автостопом. И он знал единственный язык – английский. Тот самый язык, который понимают во всём мире. Даже в Италии и во Франции. Тут ему просто повезло.

Вы видели эту скамейку, кстати? Видели, наверняка. Она теперь каменная. Чтобы вы не истёрли её своим задом. Чтобы вы не отломали от неё щепочку на память. Когда там сидел Джереми, она была деревянная, некрашенная, с заусеницами и зазубринами. Теперь возле неё стоит охранник и разрешает прикоснуться к святому только за фиксированную плату в 9.99 евро.

Всё, что оставлял за собой Джереми, превращалось в монумент. Каждый его шаг. Каждый его плевок. Каждый его взгляд. «Он наверняка проходил вот здесь и видел моё окно», – говорит какая-нибудь толстая домохозяйка. Она плачет при этой мысли, потому что она не знала тогда, что мимо неё идёт Мессия. «У меня целлюлит, он бы излечил меня», – говорит она. До того как она увидела Джереми по телевизору, она ненавидела американцев. Она называла их тупыми уродами и прокляла своего племянника, который уехал в

США и остался там навсегда. Теперь эта страна рождает новых Иисусов. Первый век от рождества Джереми. Двадцать седьмой год новой эры.

Он вышел на трассу с восточной стороны города и остановил попутку.

Человека, который подвёз Джереми первым, звали Массимо Альда. Он ни слова не знал по-английски. «Roma, ага», – сказал Джереми и ткнул пальцем в город на карте. Массимо указал место, до которого он мог доехать Джереми. Тот кивнул, и они поехали.

Джереми и сейчас не знает никакого языка, кроме английского. Собственно, английский он тоже выучил по-человечески только сейчас. Тогда он говорил на ужасном сленге. На арго, на суржике. Удивительно, что он умел читать. Но он умел: всё же иногда он бывал в школе. Если вы спросите Массимо Альда, как он разговаривал с Джереми Л. Смитом, он ответит вам, что на чистейшем итальянском. Что устами Джереми с ним говорил сам Бог, для которого нет языковых преград. Что каждое слово Джереми лилось, как ангельская музыка. На самом деле всю дорогу они молчали. Джереми пил пиво, которое достал из рюкзака. Потом он тайком от водителя размазал соплю по нижнему краю сиденья. Потом он снова пил пиво, а потом жестами объяснил водителю, что ему срочно надо помочиться. Потом они ехали дальше, и напоследок Массимо улыбнулся Джереми. Джереми осклабился в ответ. У него не было левой верхней четвёрки, запомнил

Массимо. Беззубый Мессия. Про то, как Джереми любили женщины, я ещё расскажу.

Джереми подвозили ещё много водителей. Бакстер Флинт, англичанин, живущий во Франции. Жак Гийом. Андре Саман. Пако Ганта. Вы видели интервью с этими людьми. Вы видели, что они делают теперь из того часа, который провели в обществе Джереми Л. Смита. Вы видели отель «Час Мессии» Жака Гийома. Вы видели закусочную «У Джереми» Пако Ганта. Вы приезжаете во все эти места, в забегаловки и тошниловки, чтобы прикоснуться к тому, кто прикасался к Джереми Л. Смиту. Вам кажется, что на вас снисходит Благодать. Что ваши плечи покрываются волосами, ваши язвы зарастают, ваш геморрой бесследно исчезает, ваши глаза начинают видеть лучше. Вы становитесь совершеннее, потому что след Мессии – повсюду. Вы наступаете на этот след и излечиваетесь от плоскостопия. От целлюлита. От панкреатита. От агорафобии. От чего пожелаете.

В Риме Джереми высадил водитель по имени Марко Бенти. Он высадил его в самом центре города. Марко знал английский и любил поболтать. Именно из-за Марко Джереми Л. Смит стоял посреди улицы и не знал, что ему делать. Два часа назад он был уверен в том, что у него всё получится. Что он пойдёт к Папе и запишется к нему на приём. Или пройдёт сразу – как повезёт. Теперь Джереми Л. Смит тупо стоял посреди улицы.

Марко Бенти сказал Джереми Л. Смиту, что Папа Рим-

ский, глава католической церкви, Бенедикт XX, скончался в своей постели от обширного инфаркта утром того же дня.

* * *

Вам кажется, что всё просто. Вам кажется, что и так и так Джереми не попал бы на приём к Папе. Но вы – не Джереми. У вас есть мозги, кажется, хотя я не могу утверждать этого на все сто. Вы верите тому, что видите по телевизору, но при этом вы способны к анализу. Джереми ничего анализировать не умел. Он даже не знал такого слова. Джереми просто знал, что есть Папа, к которому нужно попасть. И поцеловать его в лоб. И сфотографировать это как-нибудь. Для этого у Джереми был маленький фотоаппарат, который он украл у Уильяма Рокуэлла вместе с костюмом и деньгами.

Джереми спросил у Марко Бенти, когда появится новый Папа. Марко Бенти рассказал Джереми, что такое Священный Синод, кто такие кардиналы и как избирают Папу. Он сказал, что Папу могут избирать и год, и два. И порекомендовал Джереми купить какую-нибудь ознакомительную брошюру о Папе в любом книжном магазине. Он принял Джереми за паломника, верующего. Он ощутил величие своей родной Италии: даже тупые американцы приезжают сюда, чтобы познакомиться с красотами его Рима. С историей его родины.

Сегодня Марко Бенти – звезда. Он ведёт ток-шоу на

нескольких телеканалах сразу. Вы, конечно, его видели. Лощёный красавчик с пуленепробиваемым взглядом. У него теперь спортивный автомобиль с модными сдвигающимися дверями. Он женился на известной актрисе. Он ведёт светский образ жизни. Всё это происходит только потому, что однажды он подвёз правильного человека – Джереми Л. Смита, тупого уroda из провинциальной Америки, Спасителя, снизошедшего до нашего уровня.

В своей жизни Джереми Л. Смит один-единственный раз заходил в книжный магазин. Он увидел журнал с красоткой на витрине такого магазина в Нью-Йорке. Зашёл и купил этот журнал. Обычно журналы с красотками он покупал в киосках. Оказавшись в Риме, Джереми Л. Смит по совету Марко Бенти отправился искать книжный магазин и нашёл его в двух кварталах от места, где его высадил Марко. Маленький магазинчик, без всякого названия – просто «Книги», и всё. Джереми Л. Смит купил в этом магазине книгу «Папы: всё, что нужно знать».

Вам ведь знакомы такие книги, вы даже покупаете их. Вы учитесь по ним жить. «Весь Ницше за 90 минут», «Умберто Эко для чайников», «Всё, что вам нужно знать о микробиологии». Вы читаете краткое содержание «Войны и мира» и знаете Толстого лучше, чем изучающие его годами. Это знание вы почерпнули из брошюрки «Толстой: полное собрание сочинений на 60 страницах». Я расскажу вам, кто пишет подобные книги. Их пишут неудачники. Те же самые

неудачники, которые пишут «Как снять порчу», «Как приворожить мужчину без особых усилий» или «Небесное откровение далай-ламы». Они сидят в своих квартирках-клетушках и строчат на клавиатуре компьютера то, что приходит им в голову. Они сами не читали «Войну и мир». Они читали краткое содержание: «“Война и мир” за один час». Им нужно ещё ужать объём – они ужимают его. «“Война и мир” за полчаса». «“Война и мир” за десять минут». «“Война и мир” за одну минуту». Квинтэссенция мудрости в одном абзаце. Судьбы тысяч людей в десяти строках. Фамилия Наташи не упоминается, потому что нет места. Вы думаете, что Толстого зовут «Л. Н.», потому что для полного имени и отчества нет места. Вчера вы читали книгу «100 знаменитых кораблей» – её написал тот же автор. Позавчера вы листали книгу «Домашний фэн-шуй» – её написал тот же автор. Всё за девяносто минут. За шестьдесят минут. За тридцать минут. Философия для чайников. Ботаника для даунов. Ядерная физика для идиотов. Вы сами ставите на себе клеймо, покупая эти книги.

Джереми Л. Смит имел это клеймо на лбу, когда покупал книгу о Папах. Но большего ему знать и не стоило.

Он сразу заглянул в конец книги и увидел там портрет Бенедикта XX. Улыбающийся старик, с двух сторон поддерживаемый телохранителями. Всегда подключённый к прибору для поддержания жизнедеятельности. Накачанный стимуляторами по самую тиару.

В этот момент Джереми Л. Смит понял, что ему безразлично, что целовать. Он поспорил, что поцелует Папу в лоб. Живого или мёртвого – никто не уточнял.

Вы думаете, что Джереми Л. Смит праведник? Вы по-прежнему так думаете? Вы смотрите прямой эфир: Мессия идёт по кладбищу и дотрагивается руками до каменных надгробий. Блаженные мертвецы, хотя бы после смерти к ним прикоснулась рука Божья. Они счастливы там, наверху, в своём раю.

Джереми всегда было плевать на мертвецов. Если бы он жил во время какой-нибудь войны, он стал бы мародёром. Во времена наполеоновских войн мародёрство процветало повсеместно. После каждого массового сражения местные жители, как стервятники, слетались на поле смерти. Я расскажу вам, как это выглядело. Вот идёт человек в ободранной куртке. Он – просто крестьянин. Он пашет на своём жалком поле двадцать четыре часа в сутки. Но сегодня он предпочитает другое поле. Он склоняется над окровавленным телом и начинает сдирать с него сюртук. Карманы? Что вы, не смешите меня. Карманы он обыщет дома. Отличный сюртук. Сапоги – ещё лучше. С сапогами всегда беда. А тут – новенькие, казённые, с барской ноги. Нижняя одежда: сорочка, бельё. Там прячут деньги. Иногда – пули. Оружие – это тоже капитал. Его надо забрать. Когда мародёр поднимается, на трупе остаётся только нижняя рубашка, и всё.

Они срезали с трупов длинные волосы, мыли и делали из

них парики и шиньоны или продавали их на переработку. Они выбивали трупам зубы и использовали кость. Они драли с тел всё, что с них можно получить.

Раненых они добивали. Сначала они их выслушивали – почти всегда. Умиравший часто выдавал какой-нибудь свой тайник или просил передать весточку жене, которая могла щедро за это заплатить. Некоторые обещали деньги за своё спасение. А потом их добивали. Перерезали ножом горло. Втыкали в грудь штык. Как угодно.

Джереми был из таких. Он бы перерезал горло кому угодно, если бы был уверен в том, что можно чем-нибудь пожить.

В продуктовой лавке Джереми купил колбасы, утренний багет и бутылку кока-колы. Долбаный пиндос, даже в Италии, в столице мира, он не нашёл ничего лучше, чем кока-кола. Вы молитесь на него. На ваших глазах на телеэкране он пьёт молоко и соки фирмы «Grand Juice Int.». Это паршивая реклама. «Grand Juice Int.» заплатила столько, сколько вам и не снилось. Джереми выплёвывает сок после того, как уходит из кадра. Он ненавидит соки. Он пьёт кока-колу, напиток его поколения, лекарство от всего.

Он не знал итальянского, зато у него были деньги. Кошелёк Уильяма Рокуэлла. Рокуэлл носил с собой наличные, потому что не доверял банкоматам.

Джереми ночевал в недорогом отеле на окраине. Он сидел перед телевизором и ел колбасу. А потом вспомнил, что за-

был купить пива. Джереми Л. Смит запер свой номер и отправился на поиски пива, потому что непосредственно в гостинице его не продавали. На улице Джереми Л. Смит встретил Уну Ралти.

Вы все видели Уну. Уна смотрит на вас внимательно, её серые глаза умны и притягательны. У неё не слишком ровная кожа – это видно даже на телеэкране. Когда Уна Ралти встретила Джереми Л. Смита, её кожа была густо изрыта оспинами. Мать не ухаживала за Уной. Мать Уны была занята. Она приводила к себе мужчин и трахалась с ними в дальней комнате. Уна ждала, когда мужчина уйдёт, а мама отдохнёт. Потом Уна могла поговорить с матерью. Мать давала Уне деньги и отправляла в магазин за едой. Уна ходила в старом потрёпанном платье не потому, что у её матери не было денег. Просто матери было похрен. Дочь была для неё автоматом по доставке пищи. По приготовлению яичницы. По уборке квартиры. Необходимость покупать ей одежду и тетрадки к школе выводила мать из себя. Поэтому, когда Уна подросла, она бросила школу. Теперь она работала вместе с матерью. Оспины на её лице не смущали клиентов. Им нужно было её тело. Мужчины приходили по двое и по трое. Уне было одиннадцать, когда она лишилась девственности. Минет она научилась делать раньше.

Потом мать убили. Забили до смерти железной трубой на заднем дворе кабака. Уне было четырнадцать. Она умела всё, что должна уметь женщина.

Познакомьтесь: это ваша Мария Магдалина. Святая грешница. Вавилонская блудница. Она раскаялась в содеянном, она поцеловала край одежды Мессии, Джереми Л. Смита, посланца небес. Вы в этом уверены, вы видели это по телевизору. Вам рассказали по радио. Вы прочитали в Интернете. Он поднял её с колен, сделал из грешницы своей верной соратницей. Она первой приняла его веру и его силу. Вас кормят этой белибердой – кушайте, не забудьте бумажный пакетик.

На самом деле Уна Ралти сделала Джереми Л. Смиту минет за мусорным баком. Это стоило ему пять евро. Уна подумала тогда, что продешевила: с этого лоха можно было содрать и больше. На самом деле, она отсосала, и ничего более. Просто Джереми Л. Смит никого не знал в этом городе, а ему нужно было с кем-то выпить. И, может быть, потрахаться. И ему подвернулась Уна Ралти. Она пошла с ним и показала ему ночной магазинчик. Он купил пива и пошёл в гостиницу, а она пошла с ним. Ей просто нужны были деньги. Она ещё не знала, что её ждёт.

Теперь её умные серые глаза смотрят на вас с плакатов и телеэкранов. У неё длинные каштановые волосы, тяжёлые и гладкие. У неё длинный нос с горбинкой. У неё узкое лицо, вытянутое, с немного впалыми щеками. Это Уна Ралти, будьте знакомы. Это ваша святыня. Ваша совесть. Она протягивает руку – вы чувствуете исходящую от неё светлую силу, великую энергию. Она – передатчик Джереми Л. Смита,

его глас в пустыне.

Это всё чушь. Она просто шлюха. Она была шлюхой и останется ею всегда. Даже на экране телевизора. Даже на страницах учебников.

Джереми Л. Смит привёл в номер простую шлюху и сделал из неё икону. Он пил пиво и говорил с ней. Потому что сначала он хотел узнать некоторые вещи, а потом уже завалить её на кровать. Он спросил, когда появится новый Папа. Она сказала, что нескоро. Он ещё не прочитал в своей книжонке о Синоде и о выборах. Уна рассказала ему это так, как смогла. Она знала английский достаточно. У неё бывали клиенты, говорившие по-английски. Она объяснила Джереми Л. Смиту, что Папу изберут нескоро. Через полгода, может быть. Может, раньше, но, может, и позже. Что, если он хочет увидеть Папу, проще сходить на похороны, на прощание. Тогда Джереми Л. Смит спросил, когда это можно сделать.

И Уна Ралти ответила: «Завтра, хороший мой».

* * *

Ещё несколько лет – и вы забудете, кто такой Папа. Наместник на земле не нужен, если на земле – сам Бог. Джереми Л. Смит, новый Иисус. Папа где-то там, в свите, за его спиной. Раньше ему целовали туфлю. Теперь он сам должен облизывать чьи-то ноги. Не чьи-то, нет – вполне конкретные.

Ноги Джереми Л. Смита. Этот старик, седой, согбенный, теперь – букашка перед великаном. Джереми Л. Смит жрёт его с потрохами, жрёт всю католическую церковь. Жрёт всю православную церковь. Жрёт иудаизм и ислам. Пророк-вседержитель. Господень полководец.

Вы видите этот знак? Линия вверх, две в стороны, на концах каждой из них – по небольшому кружочку. Это то, что заменило вам крест. То, что вы носите на груди, отлитое из золота девяносто девятой пробы. Из серебра. Из дешёвой латуни. Вырезанное из дерева. Это новый логотип Бога. Бог сменил фирменный стиль. Я сейчас расскажу вам о новом стилисте Бога. О дизайнере и художнике Маркусе Уилмонте, об этом да Винчи и Тициане нового поколения.

Сегодня Маркус Уилмонт живёт припеваючи. Иногда он работает – чтобы не потерять навыки. Когда к нему пришёл первый клиент и попросил сделать такую же татуировку, как у Джереми Л. Смита, Уилмонт даже не вспомнил, о чём речь. Когда через неделю число клиентов с этой просьбой переваляло за сотню в день, Уилмонт наконец нанял помощника. Потом второго. Потом открыл ещё один тату-салон. А потом приложил мозги и зарегистрировал перевёрнутую «Т» с кружочками как товарный знак своей студии.

На самом деле Джереми Л. Смит пришёл в крошечный салон Маркуса Уилмонта и сказал: «Нарисуй мне член». Он так и сказал: нарисуй мне член на животе. Только такой, крутой, чтобы не сразу было понятно, что это член. И Маркус

Уилмонт выжег у него под пупком этот знак, позаимствованный из фильма «Близкие контакты третьей степени» Стивена Спилберга. Или из какого-то другого фильма про инопланетян. Джереми Л. Смиту не понравилось. Он сказал, что вышла какая-то чушь. Что ни капли не похоже. Джереми Л. Смит не заплатил Уилмонту за работу. Уилмонт не разорился на Смита: это была пустяковая одноцветная татуировка, занявшая пятнадцать минут работы. Он просто не хотел стараться ради такого ублюдка. Наверное, он чувствовал, что у Смита вообще нет денег и тот не заплатил бы ему в любом случае.

Теперь вы носите на груди золотой член Джереми Л. Смита, его символический фаллос, который сменил устаревшее распятие. Это называется «ребрендинг». Любой учебник по смитологии служит вам брендбуком. Вы точно знаете, как и где нужно рисовать этот знак. Его называют «элсмитом» для краткости. «Мама, нарисуй мне элсмит, учительница задала, а у меня не получается». «Смотри, какой милый розовенький элсмит нарисован на этой сумочке». «Носите элсмит до конца жизни, и да будет благословен ваш союз».

Маркус Уилмонт зарабатывает на каждом элсмите, который производится в мире. На каждом, который где-то рисуется. Вы нацарапали элсмит на коре дерева? Заплатите Маркусу Уилмонту. Иначе вы нарушите его авторские права.

Элсмиты на куполах церквей. На шпилях мечетей. На крышах костёлов. На синагогах и буддистских храмах. Эл-

смиты на каждой книге, на учебниках, на верхней одежде и нижнем белье, на рекламных плакатах, на формах государственных документов, на автомобильных номерах, на обёртках от конфет. Элсмит: двадцать седьмая буква латинского алфавита. Тридцать четвёртая буква русского алфавита. Новый иероглиф в китайской письменности. Соревнования по искусству каллиграфии: первый тур, рисование элсмита.

Смотрите на него. Молитесь на него. На фаллос Джереми Л. Смита, на символ его мощи и величия.

* * *

Я отвлёкся, простите меня. Я расскажу вам, что было дальше. После того, как Уна Ралти сказала слово «завтра». После того, как он провёл с ней ночь, и она была самой лучшей женщиной в его жизни. Она была божественна. Она умела делать такие вещи, какие ему и не снились. Королева-девственница. Запомните её лицо с неровной кожей: это самая лучшая женщина на земле. Мария Магдалина, святая. Джереми Л. Смита хватало ненадолго, но он и в самом деле хорошо ей заплатил, и она старалась. Она поднимала его снова и снова. Она целовала элсмит на его тощем животе. Она нежно говорила ему: «Теперь делай вот так», – и он делал, и ему было хорошо. Это курс порнографического кино за одну ночь. Это вся Камасутра за пятнадцать минут. Ницше за пятнадцать минут. Биология за один час. Хирургия за

полчаса. Вы все покупаете эти книги, вы читаете их. Джереми Л. Смит жил в такой книге целую ночь.

Она ушла утром. Она просто взяла деньги, которые Джереми Л. Смит дал ей, и ушла. Конечно, она порылась в его карманах, но он припрятал то, что у него оставалось. Она ничего не нашла в комнате, но покинула её не без удовольствия. Она получила своё. Когда Джереми Л. Смит проснулся, он чувствовал только запах своего пота. Запаха духов уже не было.

17 июня. Запомните эту дату. Это не просто случайное число. Это не день рождения какого-то политического деятеля или поп-звезды. Вы празднуете множество бессмысленных дней: День пограничника, День программиста, День крысолова, День эксгибициониста, День Спанч Боба. Туча праздников – каждый день есть повод не работать. Каждый день есть отличный повод выпить. Встретиться с друзьями.

Каждый год, 17 июня, вы должны молиться и благословлять мир, который дал вам Джереми Л. Смита. День, когда он сделал своё первое великое деяние. День, открывший Джереми путь к славе, а человечеству – к спасению. Доброе утро, новый Иисус.

17 июня Джереми Л. Смит вышел из дверей гостиницы. С утра он принял душ. Ещё несколько недель назад ему бы и в голову такое не пришло. Ему нравился свой собственный запах. Он его, по сути, не чувствовал. Но теперь Джереми Л. Смит стал другим. Его изменил корабль, его изменила эта

страна. Даже Уна Ралти изменила его.

Он шёл по улице по направлению к Ватикану, городу-государству. Сейчас, в это самое время, тело Бенедикта XX лежало в главной зале собора Святого Петра. Важнейшие люди страны и всего мира проходили мимо него со словами прощания. Это показывали все телеканалы. Спутниковое и кабельное телевидение, радиоэфир, онлайн-трансляции в Интернете. Всё работало сегодня только на одно событие. Простые жители, толпа, народ тоже могли попрощаться с Папой – но на следующий день. Сегодня была вечеринка для VIP-персон. Диско для избранных.

Они отложили свои самые важные встречи, чтобы прилететь в Рим. Они плюнули на ценные контракты, на деловые переговоры, на подписание важных бумаг. Президенты и короли – все они были сегодня здесь. Это идеальная точка для теракта. Ватиканская почта не справлялась с наплывом писем с соболезнованиями. Е-мэйл чистился слепо, ни одно письмо не было прочитано. Лживые, лицемерные послания, написанные руками придворных лизоблюдов. Соболезнования от арабского шейха – смехотворно. От известного буддистского лидера – наивно. От какого-то африканского язычника – глупо. Мы скорбим, пишут они. Нам страшно жаль. Мы и предположить не могли, что Папа уже такой старенький. Мы думали, что он будет жить ещё сто пятьдесят лет и приведёт наши религии и страны к абсолютному взаимопониманию.

А на самом деле им наплевать, что там случилось с Папой. Они подсчитывают прибыли и убытки от его смерти. Они предсказывают падение коэффициента Доу-Джонса, и это гораздо важнее, чем тщедушное тело старика в белой одежде.

Джереми Л. Смит пришёл на площадь перед собором и понял, что дальше не пройти. Во-первых, мешала толпа католиков. Тут собрались все: и жители самого Рима, и приехавшие из других городов, и из других стран. Толпа, через которую не пробиться. У всех на глазах слёзы, искренние. Джереми было, в общем, плевать. В его голове родилась новая мысль. Ему не нужен был фотоаппарат. Если он сделает задуманное под прицелом тысяч телекамер, он не просто выиграет спор. Он ещё и засветится на весь мир. Эта мысль пришла в голову Джереми утром, когда он вспомнил слова Уны Ралти.

Второй преградой был полицейский кордон. Он сдерживал толпу, чтобы та не напирала на подъезжающие лимузины.

Сдерживать толпу – это сложно, но возможно. Сдерживать Джереми Л. Смита им не удалось. Смит проталкивался через толпу, всё ближе и ближе ко входу в собор. Он продирался, пихал кого-то локтями, заехал кому-то под рёбра. Он толкнул маленькую девочку, и та упала; мать что-то кричала ему вслед, поднимая своё дитя, но Джереми было наплевать. Через десять с лишним минут он наконец оказался в первом

ряду. Последней он оттеснил девушку в чёрном платье, похожую на монашенку. Та молча выдержала его тычок.

Толпу отделял от высоких гостей временный забор в половину человеческого роста и ряд полицейских через каждые три метра. Джереми Л. Смит смотрел на подъезжавшие лимузины и на людей в чёрных костюмах, выходявших из них. На женщин в чёрных закрытых платьях за сто пятьдесят тысяч евро. На нём был аккуратный костюм Уильяма Рокуэлла. Джереми старался не помять его.

В этот момент случилось то, чего вы все ждали. Джереми Л. Смит перепрыгнул через ограждение между двумя полицейскими и оказался прямо около подъехавшего лимузина. Ни один из полицейских не видел, как Джереми Л. Смит преодолел препятствие. Люди из толпы теперь божатся, что Джереми просто был, а потом исчез. Но это не так. Он не исчезал. Ему просто повезло, божественное провидение вмешалось в его судьбу. Возможно ли такое, что все пятьдесят пар глаз полицейских псов, следящих за вами, вдруг отвернутся? Совпадение, случайность. Божья воля, если вам нравится этот термин. Джереми Л. Смит обошёл лимузин спереди и стал подниматься по ковру вслед за пожилой парой, сопровождаемой шофёром в ливрее и слугой. Машина за их спинами уже отъехала, а швейцарские солдаты у дверей не обратили на Джереми никакого внимания. Он был просто ещё одним слугой престарелого миллионера, пожелавшего попрощаться с Папой.

Шофёр отошёл в сторону у дверей. Слуга – тоже. А Джереми остался в очереди. Они просто медленно шли вдоль помоста, на котором лежал Папа.

На самом деле вы всё это видели своими глазами. В прямом эфире. В записи. Ещё раз в записи. И ещё. До бесконечности. Вы знаете эту сцену наизусть – столько раз вы видели её. Вы можете посекундно расписать всё, что происходило в тот день.

Вы так живо представляете себе эту картину, как будто присутствовали там сами.

Вот Джереми Л. Смит идёт вслед за стариком. Это Марвин Скотт. Он живёт в Швейцарии. У него самое большое в Европе сыро-молочное производство. Он поставляет продукты питания в двести стран мира. Он баллотировался в Сенат, но провалился на выборах из-за возраста. Перед Марвином Скоттом идёт его супруга Эльза Скотт. Они обходят возвышение. С одной стороны можно увидеть профиль Папы под стеклом: верхняя часть туловища не прикрыта. Можно подойти и коснуться края его длинного рукава, свисающего почти до пола. Но не с этой стороны.

С другой стороны – лесенка. На неё поднимаются и касаются края одежды.

Сначала Эльза Скотт. Она кланяется и касается одежды покойника. Потом – Марвин Скотт. С этой камеры не очень хороший обзор: часть картины заслоняет огромная люстра. Режиссёр переключается на другой ракурс. Мы видим всё

вблизи. Вот подходит очередь Джереми Л. Смита. Никто не знает, кто такой Джереми Л. Смит. Никто из охранников, из полицейских, из швейцарских гвардейцев, из распорядителей, прислужников, монахов и мальчиков на побегушках. Никто. Каждый думает, что только он не знает этого, а кто-нибудь другой – точно знает.

Некоторые шепчутся: «Кто это такой?» Не знаю. Это никто. Это Джереми Л. Смит. Ваш Мессия. Сын Божий. Пастырь ваш, заблудшие овцы.

Далее идут кадры, которые проходят в школах на специальных уроках. Курс смитологии: вводное занятие.

Джереми Л. Смит чинно поднимается по лестнице, наклоняется к свисающему рукаву, а потом внезапно запрыгивает на край постамента и целует Папу в лоб, стирая побелку и румяна. А потом оборачивается к ближайшей камере и вскидывает руки вверх.

Это гримаса идиота. Это выражение тотального полоумия. Так ребёнок радуется, когда убивает жука. А плохой картёжник – хорошим картам. Это Джереми Л. Смит, на губах которого – побелка с державного лба. Любуйтесь на эту довольную харю. Фотография этой хари – на каждой обложке. В рейтингах всех журналов. На любом сайте в Интернете. Во всех блогах. Эта фотография – на обложках книг и учебников. Смотрите в его безумные глаза. Смотрите на его жёлтые зубы, на растрёпанные волосы. На перекошенную ухмылку. Здравствуй, Мессия. Quo vadis, Domine?

Его сшибли с ног практически сразу. Два швейцарца и один итальянский полицейский. Они навалились на него. Началась паника. Крики. Камера тщательно фиксировала всё это. Вы все тогда смотрели на Джереми Л. Смита, помните? На то, как его держат на земле, вмяв лицом в пол. На то, как полицейский трясёт в воздухе наручниками. На отшатнувшегося в сторону Марвина Скотта.

Вы не обратили внимания на фон. На задний план. Режиссёр тоже увидел это не сразу. А когда увидел, успел переключить трансляцию на вторую камеру и тут же потерял сознание. Он был верующим человеком. Его зовут Луиджи Бьянчи. Вы читали интервью с ним. Он говорит, что, когда он увидел происходящее, то почувствовал слабость. Недомогание. Он говорит, что не поверил, а трансляцию переключил на всякий случай. Когда он увидел это на большом экране, он упал в обморок.

Вы помните каждое движение Джереми Л. Смита. Он наклоняется к Бенедикту XX и целует его в лоб.

Когда умирает Папа, его не просто кладут в гроб. Его бальзамируют. Потому что с ним будут прощаться очень долго. В течение недели. Двух недель. Его тело лежит на всеобщем обозрении. К нему подходят кардиналы и прочие церковники, потом политики и сильные мира сего, потом – простые люди, допущенные к телу Папы. Тысячи паломников. Только потом его везут через площадь к месту захоронения. Поэтому у него вынимают внутренности, которые мо-

гут завонять. Вычищают его и набивают, как куклу. Высушивают. Намазывают и заполняют бальзамическими гелями. Папа превращается в маленького Ленина. Крошечного Тито. Временного Нето.

Он мёртв в этот момент. Это не просто вскрытие. Он точно мёртв, потому что у него внутри нет ничего. Нет сердца. Нет лёгких. Нет почек и печени.

Луиджи Бьянчи был не единственным, кто упал в обморок.

Марко дель Пьетро, врач, который лично извлекал из тела Бенедикта уже не бьющееся сердце, тоже упал в обморок. И его помощник, Пако Пьяцци.

Кардинал Сантана, старик, отвечавший за похороны, не упал в обморок. Он умер на месте от сердечного приступа. Точно так же, как умерли ещё четыре старика – тут же, в соборе, под прицелом телекамер. Как умерли семьдесят шесть человек по всему миру перед экранами своих телевизоров.

Потому что выпотрошенный и побеленный, мёртвый уже много часов, набитый чёрт-те чем и налакированный бальзамическим маслом, восьмидесятирёхлетний Папа Бенедикт XX сел в гробу и удивленными глазами оглядел толпу, собравшуюся на его похороны.

Комментарий Марко Пьяццола, кардинала Всемирной Святой Церкви Джереми Л. Смита, 22 ноября 2... года.

Ваше Святейшество, прежде чем выслать Вам документ, который мы обсуждали третьего дня, я счёл необходимым снабдить его своими комментариями, призванными разъяснить наиболее серьёзные неточности, не позволяющие считать документ подлинным. Более того, я надеюсь, мои комментарии окончательно убедят вас немедленно уничтожить как распечатанные копии, так и электронный оригинал текста. Даже хранение подобной ереси в наших архивах может вызвать негативные, если не трагические последствия для Всемирной Церкви. Судя по стилистике, документ является расшифровкой аудиозаписи, но саму запись мы не смогли обнаружить ни в одном из архивов, в том числе электронных. Запись была сделана во второй половине XXI века или чуть позже, но не позднее второй половины XXII века.

Оригинал я направил в шестой отдел архива П-67, для временного – до Вашего распоряжения – хранения в отдельном сейфе, с пометкой уровня секретности 5+. Одну из двух сделанных копий я оставил себе для лингвистического анализа и дальнейшей работы с текстом, вторую отправляю Вам. Я осмелюсь просить Вас принять решение об уничтожении документа не позже чем через два месяца, до празднования Дня Рождения Джереми Л. Смита. Писарь второй ступени Адольфо Ренцо, обнаруживший документ, будет молчать: я могу гарантировать это. Помимо Ренцо и

нас с Вами о документе не знает никто.

Видеозапись воскрешения Папы Бенедикта XX описана в первой главе довольно точно, но она – единственное соответствие истинной истории жизни Джереми Л. Смита. Как известно, Мессия рос в набожной и благочестивой семье, с ранних лет интересовался различными науками и искусствами, активно занимался спортом, любил чтение и прекрасно рисовал. В возрасте семнадцати лет Джереми Л. Смит поступил в Университет Бригама Янга, который закончил с отличием. Вскоре после окончания университета Мессия почувствовал божественное прикосновение и отправился в Европу, чтобы воскресить безвременно ушедшего Папу Бенедикта XX.

Нет никаких причин подвергать сомнению истинное Житие Джереми Л. Смита. Рассматриваемый нами документ без всяких сомнений является богохульной мистификацией, причём полной нестыковок и неточностей. Никакой Джонсон никогда не общался с Мессией и тем более не был его другом. Мессия никогда не работал в заведениях общественного питания и на портовых складах. Предположить, что Мессия мог причинить вред человеку, я и вовсе не могу никоим образом.

Попытка рассказчика вызвать у читателя ненависть к Мессии смешна и неубедительна. Даже на фоне лжи, пронизывающей документ, Джереми Л. Смит выглядит не чу-

довищем, а человеком, поставленным перед тяжёлым выбором. Автор не добивается цели как вследствие искусственного опрIMITивления языка повествования, так и собственной неприязни к Мессии. Тем не менее, простым верующим, ознакомившимся с данным документом, может овладеть сомнение или даже уверенность в правдивости изложенной информации, поэтому я настоятельно рекомендую дать указание об уничтожении документа.

2

Modern life

«Доброе утро, – произносит искажённый помехами голос. – Вас приветствует «Радио Смит». Сегодня 26 апреля энного года, и мы начинаем новый день с приветствия Всемирного Мессии...»

Это чётко слышно – как голос произносит слова «Всемирный Мессия» с заглавных букв. Даже если бы вы писали диктант и никогда до этого не сталкивались с таким словосочетанием, вы написали бы оба слова с заглавной. Потому что они так произносятся. Потому что их невозможно произнести иначе.

Радио играет гимн. Его писали в спешке: ровно один месяц от первой ноты, записанной на бумаге, до первого исполнения в оркестровом варианте. Теперь это обязательная программа. «Мюзик-холл», Нью-Йорк. «L’Opera», Париж. Лондонский королевский оркестр. Радио, телевидение. Гимн святому Смигу.

Смит просыпается около полудня. Сегодня у него есть два дела. Проповедь – стандартный выход к народу и благословление. И исцеления – ровно один час. Каждый день минус выходные. Это отличная работа. Делать ничего не надо. Тебе просто платят за то, что ты ничего не делаешь. К тебе вхо-

дят безногие, безрукие, одноглазые, парализованные, дауны, кастраты, бесплодные. Они заползают, их привозят на инвалидных колясках, приносят на руках и на носилках. Они хромают и ковыляют, баюкают свои высохшие конечности, щурятся пустыми глазницами, шамкают беззубыми ртами. Это избранные, юродивые Господа нашего, соль в Его еде. Они заползают, и тебе нужно просто дотронуться до них. До пахнущих мочой и слизию, до этих отходов рода человеческого. Пересилить себя и пожелать им того, чего они хотят.

Вы когда-нибудь смотрели Параолимпийские игры? Вы видели это? Вот бегут девушки, им по двадцать лет, они молоды, может, не слишком красивы, но у них юные тренированные тела, сильные икры, голубые глаза. У них нет рук. У некоторых – одной. У других – обеих. Кто-то прячет культи под эластичными костюмами, кто-то – трясёт в воздухе этими жуткими обрубками.

А вот мужчины-колясочники. У них нет ног. А если даже и есть – они не работают. У них такой плечевой пояс, что они могут разорвать на две части слона. Согнуть дугой ванта гудзонского моста. Они зарабатывают бешеные деньги, они копят свои урезанные золотые медали с пометкой «параолимпиада», их знает весь мир.

Слепые пловцы, безногие бегуны, безрукие прыгуны. Чемпионы на костылях. Борцы на протезах.

Но вы должны понимать: эти люди отдадут всю свою славу, все свои грёбаные победы, всю эту олимпийскую чушь,

все свои деньги, всё – ради того, чтобы пройти по земле на своих ногах. Чтобы обнять женщину своими руками. Чтобы увидеть мир своими глазами. Они отдадут всё, поверьте мне.

Теперь у них есть такая возможность. Появилось новое лекарство от всего. От СПИДа, от слоновьей болезни и от гангрены. Панацея, философский камень. Это лекарство называется «Джереми Л. Смит». Это новый Христос. Мессия. Ублюдочный пиндос, которого весь мир целует в задницу.

Джереми Л. Смит ползёт в ванную. Сначала к нему приставили слуг, но они раздражали его. Он сказал, что слуги должны быть женского пола. Разные. Молодые. Бюст – не меньше третьего номера. Ноги – стройные. Цвет волос – неважен. Готовые на всё. Они широко открыли глаза, все эти кардиналы. Треть из них никогда не пробовала женщины. Остальные две трети его прекрасно понимали, но они не могли дать ответ сразу. Тогда Джереми Л. Смит сказал, что срать хотел на все их требования, на все их указания и рекомендации. Что всё теперь в его власти. Что они рассказали миру легенду о нём и теперь не могут от неё отступить. Когда эти фарисеи говорили о Смите, они ещё ничего о нём не знали. Они только видели, как из гроба поднялся Бенедикт XX. Они ничего не понимали, когда выступали по телевизору и проповедовали о пришествии нового Мессии. О новом Царстве Божием на земле. Они ещё не понимали, на что себя обрекают.

Они не знали, что Джереми Л. Смита придётся учить го-

ворить. Они не думали, что он не умеет держать вилку. Они не могли и представить, что он не знает ни одного языка, кроме своего жуткого пиджина. Ему повезло, что его никто ни о чём не спрашивал, например, на корабле. Потому что никакой Уильям Рокуэлл не мог так коверкать слова. Потому что люди, говорящие как Джереми Л. Смит, вообще не плавают на таких кораблях, никогда. Фарисеи проклинали тот день, когда Джереми Л. Смит появился на свет, но было уже поздно. Он не просто появился на свет. Он появился в жизни каждого из них. Он смотрел на каждого из них. Он пытался понять, чего от него хотят. И он понял. К несчастью для них, он понял гораздо больше. Он осознал, какой властью обладает.

Джереми Л. Смит идёт в огромную ванную комнату. Там его ждут три девушки: мулатка и две белых. В спальне он оставляет ещё двух: чёрную и китаянку. Его обмывают, его намыливают, его приводят в порядок. Теперь он очень любит мыться. Раньше Джереми Л. Смит не мылся неделями. Максимум, на что он мог рассчитывать, – это грязный душ в каком-нибудь общественном сортире или в его съёмной комнатухе. Теперь у него есть огромная ванная, пахнущая благовониями, вокруг него – полуобнажённые гурии, сам он – в центре этого рая. Тот, кто приносит рай на землю, имеет право на собственный рай.

Джереми Л. Смит опрокидывает мулатку к себе в ванну и срыгает с неё тогу. Она смеётся, когда он гладит её тело и

впивается губами в её коричневый сосок.

Они – профессионалки. Они никогда не сделают ничего, что не понравится Джереми Л. Смигу. За месяц они зарабатывают столько, сколько иные не заработают за всю жизнь. А потом они надоедают Джереми Л. Смигу, и он требует их сменить. Их отпускают и платят за молчание – ещё больше, чем за работу. И они молчат.

Потому что Люсия Макконе, стройная итальянка с высокой острой грудью и короткими чёрными волосами, беспорядочно топорщащимися на голове, однажды напилась в баре и разболтала бармену Джоджо о том, что происходит в святая святых. Она рассказала, как делала минет Джереми Л. Смигу. Она рассказала, что у него совсем небольшой член, хотя работоспособности ему не занимать, и это с лихвой компенсирует физические недостатки. Она рассказала о женщинах в его спальне, в его ванной, в его гостиной. Джоджо подбадривал её и держал под стойкой диктофон. Он хотел продать эту запись в бульварный таблоид.

Когда Люсия Макконе сказала, что Джереми Л. Смит любит щипать женщин за ягодицы, в бар вошли четыре человека в серых костюмах схожего покроя. В баре, помимо Люсии и Джоджо, сидели старик Бульон и парочка молодых ребят, слушавших рассказ Люсии из-за столика. Люди в костюмах достали пистолеты с глушителями и без единого промаха расстреляли всех присутствующих. Один из них сделал два выстрела: он убил бармена и женщину. Остальные – по

одному. Потом они повесили на дверь табличку «Закррито», заперли вход и обыскали помещение. Они нашли и забрали диктофон. Потом достали чёрный пластиковый мешок и упаковали в него тело Люсии Макконе. Затем вышли, погрузили тело в багажник чёрного «Пежо» и уехали.

Это серая гвардия Ватикана. Это невидимые солдаты. Я не буду представлять вам их: у них нет имён. Это европейские Джоны Доу, неизвестные тела в моргах. Маньяки-профессионалы. Чистильщики.

Был такой фильм, «Никита». Люка Бессона, гениального режиссёра. Вы смотрели его? Нет. Он вышел очень давно. Может быть, ещё до вашего рождения. Там играл Жан Рено. Он уже умер, это старый актёр, вы не застали его в зените славы. Он играл Чистильщика Виктора. Чистильщик появлялся тогда, когда ситуация выходила из-под контроля. И убивал всех. Абсолютно всех. А потом заливал тела кислотой, чтобы их невозможно было опознать.

Серая гвардия – это именно такие чистильщики. Если вы знаете что-то очень важное, вам заплатят за молчание. Но если вы не отработаете этих денег, вы познакомитесь с чистильщиками. Точнее, не познакомитесь, ведь у них нет имён.

Именно поэтому шлюхи при дворе Джереми Л. Смита молчат.

Когда Джереми Л. Смит выходит из ванной, он пахнет лавандой и жасмином. На нём – тяжёлый пушистый халат. Он

уже причёсан; он любит, когда волосы высыхают сами собой и ненавидит фен и укладку. Только теперь он звонит в колокольчик.

Такой колокольчик есть в каждой комнате. Он даёт добро. Мол, Джереми Л. Смит освобожден и может вас принять. Тогда в комнате появляется кардинал. Или помощник кардинала. Или распорядитель. Или все вместе. Они предоставляют Джереми Л. Смиту программу на сегодня или на завтра. В зависимости от его настроения. Он смотрит программу. Сегодня у него проповедь. Через полтора часа. Он должен выйти на балкон, окинуть взглядом площадь и сказать что-то вроде: «Благословляю вас». Для его речи подбирают только те слова, которые удалось избавиться от его ужасного акцента. Половину слов он коверкает до сих пор. Но это вопрос времени.

Его одевают; синхронно объясняют ему, что нужно делать. Он, в принципе, всё знает, но повторение – мать учения. Он слушает это занудство, потому что понимает: власть не дается просто так. Власть нужно поддерживать, отрабатывать. А они лучше всех знают, как поддерживать власть. Потому что они обладали ею две тысячи лет – до того момента, пока не появился Джереми Л. Смит. Они боятся его, потому что, если он прикажет разорвать всех кардиналов на части, никакая полиция не остановит толпу. Скажу даже больше: полиция станет частью этой толпы.

И есть ещё один момент. Кардиналы верят в Джереми Л.

Смита. Они мучаются с ним, они учат его говорить и есть только потому, что точно знают: он и в самом деле Мессия. Это – самое страшное. Джереми Л. Смит не шарлатан. Он и в самом деле новый Христос.

И кто-то из кардиналов на тайном совете вскользь высказал мысль, которая уже зреет в их головах: если он – новый Христос, то где его крест?

* * *

Джереми Л. Смит выходит из своих апартаментов в полном боевом облачении. Так Шварценеггер покрывает лицо косыми защитными полосами. Так президент поправляет галстук от кутюр. Так Шэрон Стоун из «Основного инстинкта» снимает нижнее бельё.

Так и Джереми Л. Смит. Он причёсан и одет в белое. Длинное белое одеяние, нечто вроде арабского халата, белые брюки, белые туфли. На голове – белая шапочка наподобие папской. Он чисто выбрит, идеально причёсан, у него сияющая улыбка.

Его приводили в порядок довольно долго. Просто отмыть Джереми Л. Смита было несложно. Но у него были гнилые жёлтые зубы. Он получил новые. У него был шрам на шее. Ему сделали пластическую операцию, чтобы ликвидировать его. Этот шрам был для Джереми просто воспоминанием. Пат Смит, его однофамилец с соседней улицы, пытался пыр-

нуть его ножом. Но Джереми отбил удар, и нож, вместо того чтобы вонзиться в горло, прошёлся по коже. Джереми убежал. Пата Смита убили через полгода в пьяной драке. Это нормально: их всех убивали в пьяных драках, этих смитов, джонсонов и петерсов, они все дошли под заборами и в канавах, с колотыми ранами в лёгких, с пулевыми отверстиями в затылках, со сломанными рёбрами и носами. Джереми Л. Смит был везучим сукиным сыном. В уличных боях он не потерял ничего. Пара жалких шрамов не в счёт.

Джереми Л. Смит уже позавтракал. Ему принесут то, чего он хочет, – вечером. Но теперь ему предстоит работа, поэтому пива сейчас нельзя. Он пьёт кофе, ест гамбургер. Он до сих пор жрёт гамбургеры, эти суррогаты, подножный корм.

Смотрите рекламу: вкуснейшая, нежнейшая булочка с кунжутом, аппетитная котлетка, свежие помидоры, зелень, огурчики. Острый томатный соус. Ах, как рекламная девушка вонзает свои белые зубки в это аппетитнейшее блюдо, квинтэссенцию американской мечты. Картошка, кола. Смотрите, как они счастливы, как они сыты, как им уютно и хорошо.

А потом они жиреют. Превращаются в куски мяса. Их самих впору перерабатывать на гамбургеры. «Только сегодня! Бигмак с человечинкой!» Они жрут в «МакДаках» по четыре раза в день, а потом подают в суд на сеть закусовых, потому что гамбургеры вызвали у них ожирение. Они требуют, чтобы на кофе было написано «Осторожно! Горячо!», а на

котлетах «Осторожно! Жирно!». Им нужно всё разъяснить, разложить по полочкам, а если вы не сделаете этого, звоните своему адвокату. Он вам понадобится.

Джереми Л. Смит – из таких. Если бы он разжирел, он бы подал в суд на производителя гамбургеров. Это как брат убитого, подающий в суд на производителя оружия. Джереми Л. Смит ест гамбургеры, потому что это вкусно. Это и в самом деле вкусно. Я гарантирую. Это очень сытно и вкусно. Ешьте. Радуйтесь жизни.

* * *

Толпа перед вами. Вот она: скандирующая, бешеная, безумная. Это не люди – это масса, месиво, океан, в котором невозможно выделить кого-то отдельного. Это просто бесконечная цветастая палитра. Они что-то режут, кричат. Они скандируют: «Джереми! Джереми!» Кто-то орёт: «Иисус!» – и толпа подхватывает этот крик. Они зовут своего личного Христа. Не того длинноволосого печального человека с картинок в детских Библиях. Не изрезанного прутами и плетью мученика на кресте. Нет, что вы. Они зовут своего Христа. Гладко выбритого, аккуратно постриженного, в белоснежном костюме. Точно так же две тысячи лет назад толпа выбрала Варраву. Они кричали «Варрава!» не потому, что хотели освобождения убийцы. И даже не потому, что не хотели освобождения Христа. Просто толпа подхватывает тот

крик, который звучит громче других.

Суть в том, что когда ты выходишь на трибуну, ты вынужден фильтровать базар. В какой-то момент ты понимаешь, что, если сейчас ты крикнешь со сцены «Хайль Гитлер!», тебе ответят «Зиг хайль!». Если ты поднимешь руку, тысячи рук взметнутся в ответ. Ты можешь приказать своей толпе любить ближнего. Или убивать. Вот там, говоришь ты, стоит человек, которого нужно разорвать на части. И толпа разорвёт. И съест, если ты прикажешь ей съесть. Доброе утро, Мессия.

Джереми Л. Смит научился фильтровать базар. Ему пишут речи лучшие спичрайтеры мира. Они продумывают каждое слово, каждое выражение. Каждую запятую. С ним занимаются лучшие логопеды и специалисты по психологии масс. Он должен произносить каждое слово с определённой интонацией, и ни с какой другой. Потому что, если он скажет что-то не так, он может вызвать хаос. Он может спровоцировать бурю, войну, катаклизм. Несколько слов Джереми Л. Смита могут перевернуть мир. Его речи транслируют все телеканалы мира. Они прерывают любые передачи. Они прерывают мультфильмы, и дети слушают, как Джереми Л. Смит благословляет их. Матери умиленно смотрят на детей, потому что они не знают, каков Джереми Л. Смит на самом деле. Они не видели, как он трахает Полли Сазер. Смотрит на труп матери в колодце. Как размазывает говно по офису хозяина автомастерской. Доброе утро, дорогие матери. Ваши

дети мечтают стать такими, как Джереми Л. Смит. Эти мечты могут сбыться. Нужно просто реже мыться и научиться размазывать сопли по стенам. И вы будете как Джереми. В этом нет ничего сложного.

Джереми Л. Смит идёт по длинному коридору. Ему что-то говорят напоследок. Ему говорят это каждый день. Он уже давно выучил всё наизусть. Он сам может работать спичрайтером. Потому что все его речи, все его благословения – это одно и то же. Просто нужно подавать это по-разному. Джереми Л. Смит не любит это, но понимает, что без этого – никак и никуда.

И вот начинается. Он выходит на балкон. Это собор Святого Петра. Перед ним площадь Святого Петра архитектора Джованни Лоренцо Бернини. Бернини строил её шесть лет – с 1657 по 1663 год. Два фонтана, обелиск, колоннады, подчёркивающие перспективу, – всё это гениально. Здесь уместаются несколько тысяч человек. Бернини справился со своей задачей.

Старый берлинский рабочий рассказывал как-то о событиях 1933 года. Он пошёл на площадь, чтобы послушать речь новоизбранного лидера Адольфа Гитлера. Он слишком много о нём слышал. Голосовал он не за него, но это было неважно. Он стоял на площади и слушал. Нет, даже не слушал – он вдыхал слова Гитлера, он наполнялся ими с головы до пят. Каждое слово лидера звучало как медный колокол, как удар литавр. Он неожиданно понял, что только Гитлер, и никто

иной, должен стать лидером этой страны, её вождём, её Мессией.

А потом он вернулся домой. И жена спросила его: «Ну, как речь?» «Великолепная речь!» – ответил он восторженно. «А о чём он говорил?» – спросила жена. И тогда рабочий понял, что не может вспомнить ни слова из речи Гитлера. Он помнил безумные глаза людей – такие же были и у него. Он помнил ясную, чёткую дикцию оратора, помнил его жестикацию, помнил, как его голос проникал в самую суть, в самую глубину. Но он не запомнил, о чём говорил Гитлер. Ни слова. Ни фразы.

Джереми Л. Смит – такой же. Он будет говорить, жестикулировать, запрокидывать голову и взывать к небу. Толпа будет повторять каждое его движение, каждый жест. Она будет шептать его слова, будет впитывать его голос, но не запомнит ничего. Потому что Джереми Л. Смит, по большому счёту, ничего и не скажет. По сути, он будет стоять на трибуне и молчать. Это немота. Это самая страшная немота из всех возможных.

Занавесь раздвигается. Шёлковые шнуры, бархатные портьеры. Джереми Л. Смит смотрит на толпу с высоты четвёртого этажа. Все видят его, все слышат его дыхание в микрофон.

«Братья во Христе!» – кричит он, и его приветствие тонет в рёве и гаме, в гудках и аплодисментах, в восторгах и радости. Это его толпа. Он не принадлежит ей, но она принадле-

жит ему. Это его воинство, его крестоносцы. Он может прямо сейчас послать их к Гробу Господню, против мусульман и иудеев, и они пойдут – в футболках и джинсах, с его именем на устах, со слепой верой в глазах.

Он благословляет их. Он рассказывает, что грядёт Царствие Небесное. Что Бог снизошёл на землю через него, Джереми Л. Смита, что все убогие и нищие будут исцелены. Что калеки пойдут, а слепцы увидят. Что всем достанется хлеба и рыбы.

Они слушают его. Они верят в него, и это справедливая вера. Потому что они верят в то, что не нуждается в вере. В то, что существует на самом деле.

Справа и слева от Джереми стоят кардиналы. Рядом с ними – охранники.

На площадь не пускают просто так. Если бы пускали всех желающих, было бы страшно. Были бы массовые давки и человеческие жертвы. Тысячи людей не попали сюда. Они занимают очередь в надежде попасть сюда завтра. Послезавтра. Через неделю. Через месяц. Через год. Они приплачивают полицейским в кордонах. Они идут работать в полицию и просят в кордоны, чтобы оказаться чуть-чуть ближе к Мессии.

Все они чувствуют божественную длань над собой. Чувствуют энергию и силу, исходящую от человека на трибуне. Им так кажется.

На самом деле всё это чушь. Бред сивой кобылы. Слепота.

Джереми Л. Смит – это обученная обезьяна. Он знает, что и как надо сказать. Он даже понимает зачем, только это понимание отличается от вашего. Он думает, что это необходимо, чтобы и дальше трахать шлюх, жрать гамбургеры и спать на пуховых перинах. Ему плевать на то, как толпа реагирует на его слова, на его жесты. Он видит толпу, и он может воздействовать на неё, но ему это просто не нужно. Если бы он мог трахаться и жрать, при этом не командуя миллионами, он бы так и делал.

Люди внизу чувствуют только то, что им хочется чувствовать. Они не ощущают запах пота окружающих. Не видят бисеринки на лбах и гнойники на щеках. Они не замечают грязи на одежде, не чувствуют, как им отдавливают ноги. Они хотят чувствовать только того, кто на трибуне, и им кажется, что они его чувствуют. Это грандиозный розыгрыш, это ловля на живца. Фейк, игрушка.

Но в этом есть доля правды, потому что Джереми Л. Смит – и в самом деле Мессия. Каким бы он ни был.

* * *

Когда он завершает проповедь, толпа успокаивается. Это окончание каждого его выступления – успокоить толпу. Окрестить её перстами. Спичрайтеры работают хорошо. Толпа умиротворена, она вытекает через кордон наружу, и не попавшие на проповедь ощупывают тех, кто видел Дже-

реми Л. Смита, кто слышал его слова. Потому что даже так, дотронувшись до видевшего, можно почувствовать частицу Смита в себе. Поймать ускользящую Благодать. Они верят в это, и это становится правдой. Потому что правда – это то, что вам показали по телевизору. То, что вы слышали по радио. То, о чём вы прочитали в газетах. Это – правда, запомните раз и навсегда.

Но Джереми Л. Смит – это не просто правда. Это носитель абсолютной истины, Правдитель Сермяжный.

Он взмахивает рукой в знак прощания. По толпе пронесётся скорбный стон: их покидает Мессия. Покидает до следующей проповеди. Её время уже известно, а если неизвестно, то будет объявлено позже. Может, на следующей неделе. Может, через месяц. У Мессии много дел. Визитов, поездок.

И исцелений. В первую очередь – исцелений. Потому что другие фокусы он ещё не освоил. Ведь Мессия не может показать фокус, чтобы продемонстрировать своё божественное происхождение. Мессия может делать только то, что и в самом деле необходимо. Без чего невозможно жить. Именно это и доказывает, что вера в Джереми Л. Смита – не ошибка.

Все хосписы Рима он уже посетил. Почти все хосписы Италии – тоже. Но их много. Хосписы Франции. Хосписы Испании. Германии. Польши. России. Лепрозории на островах в Карибском море. Лечебницы для ВИЧ-инфицированных. Сумасшедшие дома. Заведение за заведением. Нужно просто возлагать руки.

Его долго учили принимать величественный вид. Делать одухотворённое, доброе, непроницаемое лицо. Когда Джереми впервые в жизни увидел настоящего прокажённого, его вытошнило. Прямо там, в палате для умирающих, на белый кафельный пол. Он сказал, что никогда не дотронется до этой мерзости. Он использовал весь свой набор ругательств. Кардинал Спирокки лично отвёл Джереми в сторону и сказал ему несколько слов. Никто не знает содержания этого разговора. Никто не знает, что сказал Спирокки. Наверное, он вдохновил Джереми. Объяснил суть его миссии.

Нет. Я знаю, о чём шла речь. Я расскажу вам. Спирокки наклонился к уху Джереми Л. Смита и сказал: «Если ты сейчас не сделаешь того, что от тебя нужно, мыотрежем тебе яйца». Я не уверен в точности формулировки, но суть была именно такой. Джереми тогда боялся Спирокки. И теперь боится, потому что Спирокки – это серый кардинал. Это глава серой гвардии. Потому что, когда Спирокки поднимает на вас свои стальные глаза, вы опускаете голову.

Джереми возложил руку на плешивую, покрытую язвами голову больного и закрыл глаза. А потом молча вышел из комнаты. Он успел добежать до туалета и там заблевал весь умывальник. Он мог поцеловать мертвеца в лоб – это видел весь мир. Но дотронуться до гниющей плоти было выше его сил. Он переборол себя.

Пока Джереми Л. Смит блевал в сортире, Джон Лиссон, пятидесяти шести лет, счищал со лба ошметки кожи и вол-

дыри, как будто они были просто приклеены. Он прочистил глаза и впервые за десять лет увидел мир без завесы гноя и слёз. Пока Джереми Л. Смит пил воду из-под крана, Джон Лиссон неуверенными шагами шёл к окну. Он уткнулся лбом в стекло и плакал. Слёзы смывали с его щёк гной. Именно тогда кардинал Спирокки упал на колени. Именно тогда кардинал Спирокки впервые за всю свою длинную карьеру поверил наконец в Бога.

* * *

Джереми Л. Смит медленно идёт по коридору. Он выполнил половину сегодняшней работы: пять минут величия. Послезавтра – визит в Испанию. Барселона ждёт своего Мессию. Сегодня – полтора часа приёма страждущих. Работа по расписанию. Вы на приём к Иисусу? Запишитесь у его секретаря.

Он мог бы идти по улице и просто проводить рукой по толпе. Но так нельзя. Это слишком дёшево. Слишком много благодати по слишком низкой цене.

Где-то внизу, в канцелярии, тысяча человек разбирают письма, приходящие Джереми Л. Смигу. Они написаны по одному шаблону. «Мой сын умирает, помогите ему». «Моя дочь больна раком, помогите ей». Если помогать каждому, потребуется не один, а пять тысяч Смитов. Но у человечества есть только один, и оно должно быть благодарно за это.

Это самая интересная работа – исцелять. Штабеля благодарных уродов, безногих, калек, ВИЧ-инфицированных. Толпы. Он исцеляет: это прибыль. Сын миллионера избавляется от рака желудка. Миллионер жертвует церкви половину состояния. И так всегда и повсеместно. Поэтому есть норма: сколько нужно пропустить нищих и убогих. Сколько – тех, кто приносит прибыль. Церкви не нужны верующие. Церкви нужны богатые. Жертвующие. Если бы никто в мире не верил и никто не ходил бы в церковь, но каждый клал по одному доллару в день на церковные счета, священники даже не заикались бы о необходимости веры. Вера – это бизнес. Это инструмент. По меньшей мере, так было до появления Джереми Л. Смита, нового Христа.

Теперь всё иначе. Теперь вера – это не только бизнес. Это настоящая вера. Хотя настоящая вера приносит во много раз больше денег, чем любой бизнес.

Джереми Л. Смит потребовал чёрный «Майбах» с кузовом «лимузин». Под заказ, удлинённый. С двуспальной кроватью, баром и телевизором на полсалона. Джереми Л. Смит заказал «МакЛарен», самый быстрый суперкар в мире. Джереми Л. Смит имеет всё, что хочет. Нет ничего невозможного. Нет желания, которое нельзя было бы исполнить для Джереми Л. Смита. Потому что его власть сильнее любых денег. Потому что за деньги можно купить всё, кроме здоровья. А Джереми Л. Смит продаёт именно его.

Хотя он умеет делать и другие чудеса, о которых пока не

имеет представления.

Джереми Л. Смит готов к приёму. С пяти до половины седьмого. Полтора часа паноптикума уродов, фрик-шоу в полной мере. Это происходит в отдельном зале, специально подготовленном для таких целей. Вытянутое помещение, очень дорогой интерьер. Люстры, диваны – всё по полной программе. Джереми Л. Смит не сидит на месте. Запускают сразу всех. Сколько получается. Пятьдесят человек. Сто. Сто двадцать. Джереми идёт вдоль рядов. У некоторых он спрашивает, что у них болит, что с ними не так. На всех времени не хватает. С кем-то он разговаривает. На кого-то просто возлагает руки. Всё записывается на камеры. Потом готовится нарезка, документальная программа. Делают сюжет. Берут интервью до сеанса и после.

Это выглядит как шоу дешёвого фокусника. Гипнотизёр, заряжающий воду. После сеанса у вас отрастут ногти, брови и волосы. У вас прорежутся новые зубы. Вы выучите несколько новых языков. Это как вариант.

Но это не шоу. Это правда.

Вот перед вами человек без глаз. Норма слепых – не более пяти процентов. Он слеп не от рождения. Он потерял глаза во время вооружённого конфликта в Азии. Его зовут Джастин Джир. Он говорит в интервью: я верю, что Мессия исцелит меня. Я не вижу уже четырнадцать лет. Я хочу снова увидеть мир. У меня есть дочь – ей восемнадцать, и я не знаю, как она выглядит.

После исцеления он не может говорить вообще. Он плачет. В его прежде пустых глазницах – голубые прозрачные глаза. Это показывают по телевизору. В новостях, по всем программам. Джастин, что ты чувствуешь? Он плачет. Джастин, чем ты теперь планируешь заняться? Он плачет.

Вот Мария. Она стоит на коленях. Она поднимает лицо – оно изуродовано: ожоги. Это кожаная маска. Под её чепцом нет волос. У неё нет губ – зубы торчат во все стороны. У неё нет носа, потому что хрящи не восстанавливаются, – это просто две дыры в голове. У неё нет ушей. Ей было шестнадцать, когда она попала в автокатастрофу. У неё всего два пальца – по одному на каждой руке. Сейчас ей двадцать четыре. Восемь лет в инвалидной коляске. Восемь лет в одной комнате. Восемь лет в Интернете.

Камера наезжает. Это отвратительное зрелище. Оно будет вырезано из трансляции. Но именно это стоит видеть. Как из жёсткой, шрамированной кожи вырастают волосы – густые, чёрные как смоль. Как появляются ушные раковины. Как нарастает нос. Как появляются губы. Как на руках растут пальцы. Проходят секунды, всего секунды. Джереми Л. Смит, лучший пластический хирург в мире. Вы хотите увеличить грудь? Сделать липосакцию? Изменить форму носа? Вам к Джереми Л. Смицу. Мария смотрит на свои руки. Она шевелит пальцами. Теперь у неё есть ногти, которые можно покрывать лаком. Есть волосы, которые можно причёсывать. Уши, в которые можно вдеть серьги. Она встаёт. Её одежда

висит на ней кулем: у неё появилась грудь. Четвёртый размер, не меньше. Она полновата. Она не слишком красива. Но это неважно. Она красивее всех девушек на земле. Теперь она – совершенство. Она знает это. И она не может говорить, потому что плачет. Прямо там – она падает на колени и неловко утыкается своим новым лицом в пол. Слезы текут из глаз как из ведра.

Джереми Л. Смит идёт по ряду, оставляя за собой плачущих людей. Здоровых, красивых, рыдающих. Теперь они не просто верят. Теперь они знают. Теперь от них можно требовать всего, что угодно. Они – зависимы.

Это Клиффорд Бантер. С виду он здоров. Совершенно здоров. Джереми касается его и идёт дальше. Клиффорд не уверен, что что-либо поменялось. Это покажет анализ крови. У Клиффорда СПИД. Был СПИД. Теперь он не уверен ни в чём. Сегодня же он побежит в больницу сдавать кровь. Когда он прочитает результаты анализа, он сядет на скамейку в парке около больницы и будет просто сидеть более часа. Потом он отправится в аэропорт и улетит в свой Лондон. Прямо с самолёта он поедет к девушке по имени Салли и предложит ей выйти за него замуж.

Доброе утро, вас приветствует «Радио Здоровье». «Радио Чудо». Джереми Л. Смит и К.

Когда всё заканчивается, Джереми идёт в ванную. Там его ждут девочки с пышными бюстами и длинными ногами. Джереми лежит и смотрит в расписной потолок. Завтра у него свободный день. Сегодня он выложился по полной программе. Те, кого выбрала лотерея, исцелены. Следующий розыгрыш – позже. Это не касается Джереми. Послезавтра – Барселона.

Кардиналы довольны.

Но есть ещё один человек, о котором стоит рассказать. Это Карло Баньелли. Папа Бенедикт XX, глава католической церкви. Ещё несколько лет назад он был самым влиятельным человеком в мире. Теперь он никто. Тень. Он не весит ни грамма. У него нет власти. Но у него есть работа – и её не меньше, чем у Джереми Л. Смита. Он даёт интервью. Потому что он, наверное, единственный человек в мире, который видел загробный мир. Который знает, что там, за стеной. Он говорит очень красиво. Никто не понимает практически ни слова. Он уходит от темы, он ведёт философские беседы. Когда у него спрашивают, что там, он делает серьёзное и мрачное лицо. Он начинает пространные рассуждения о том, стоит ли живому знать, что ждёт его за гранью.

Включите телевизор. Перед вами – Бенедикт XX. Он внимательно и мудро смотрит в камеру, этот дряхлый старик.

Человек, который был мёртвым. Джереми – сын Божий. Бенедикт – личный знакомый Бога, он видел его. Он может рассказать про него, но он молчит.

Его органы хранятся заспиртованными в баночках. Он может пойти посмотреть на них. Полюбоваться своей печенью, своими почками, собственным сердцем. Вы когда-нибудь видели собственное сердце? Эту бурую массу со множеством трубочек и каких-то непонятных ниточек? Вы когда-нибудь держали сердце на ладонях? Я не имею в виду кардиохирургов. Карло Баньелли – держал. Он рассматривал собственное сердце. В этот момент он не верил ни в Бога, ни в Джереми Л. Смита. Он просто смотрел и недоумевал.

Потому что в чудеса не верит никто. Они могут делать серьёзный вид. Могут говорить вам о Царстве Божиим. Рассказывать о том, как перед Моисеем расступились воды Красного моря. Как тело Иисуса исчезло из пещеры. Но они не верят в это, потому что они – разумные люди. В первую очередь они едят, пьют, испражняются, читают книги и смотрят телевизор. Во вторую – верят. Им хватает веры на то, чтобы помолиться. Попросить счастья для себя и порой для других. Но в библейские чудеса они не верят. Потому что представить себе Христа они могут. А представить, как перед посохом расступается море, уже не способны. Это выше их сил.

Теперь они обязаны верить в чудеса, которые видят своими глазами.

Но у Папы Бенедикта XX есть и обратная сторона. Он

ненавидит Джереми Л. Смита. Любить человека, который вернул ему жизнь и здоровье? Нет, что вы. Не таким образом. Он ненавидит того Джереми, который занял его место в системе мироздания.

Положим, у вас есть всё. У вас есть жена и любовница, отличная высокооплачиваемая и не самая напряжённая работа, большой дом, двое детей, две машины. У вас, по сути, нет начальства: ваш бизнес – это то, что вы построили сами. И ещё у вас есть отец. Вы очень любите своего отца. Он живёт отдельно от вас, в другом городе. Когда вы были ребёнком, он уделял вам гораздо больше времени, чем мать. Он воспитывал вас, учил читать и писать, отвозил вас в школу. От него вы узнали львиную долю того, что знаете сейчас. Он научил вас вести дела, он помог вам с выбором первого дома и первого автомобиля. Поэтому вы очень любите своего отца. Вы навещаете его раз или два в месяц, дарите ему подарки, а недавно оплатили его путешествие в Европу.

И вдруг он появляется у вас на пороге и говорит: я буду жить у тебя. Сначала вы рады: это же отец. Это единственный человек, который умнее вас. Который обладает большими жизненным опытом и силой. Но потом оказывается, что всё не так просто. Отец сразу берётся за дело. Он перестраивает дом под себя. Ему не нравится интерьер в вашей спальне, и в ваше отсутствие он вызывает рабочих, которые полностью меняют обстановку. Теперь ваша спальня – в синих тонах. Вы ненавидите этот цвет. Потом оказывается, что де-

ти гораздо больше доверяют дедушке, чем вам. Вы говорите своему сыну: «Кушай», – а он в ответ: «Не хочу. Пусть дедушка мне скажет». Через некоторое время вы обнаруживаете, что отец зовёт ваших детей «сыновьями». Потом вы не обнаруживаете своей машины. «Я её продал», – говорит отец. Он купил отличную новую машину – за ваши деньги. Но так как её купил он, он всё время куда-то ездит на ней сам. Более того, он ездит на вашу работу. Он появился на вашей фирме, представился вашим отцом, и теперь ваши подчинённые слушаются его, а вы для них – всего лишь случайная пешка.

Наконец, в один прекрасный день вы обнаруживаете его в постели с вашей женой. В сердцах вы идёте к любовнице, но она ушла от вас. Она сказала, что у неё новый любовник, старше и опытней. И вы уже догадываетесь, кто это.

Именно в таких отношениях с Джереми Л. Смитом оказался Карло Баньелли. Он был возлюбленным Сыном Божьим, наместником его на земле. А теперь у него появился конкурент, с которым невозможно тягаться, потому что это не просто властолюбивый кардинал. Это Мессия. Сын Божий из штата Юта, США. Никто из ниоткуда.

Любовь в Карло Баньелли настолько перемешалась с ненавистью, что он уже не может отделить эти чувства одно от другого. Власть развращает, вы и сами это понимаете. Когда у вас есть власть, вам уже не нужны ни деньги, ни слава, ни почёт. Вам нужна только власть. Кукловод, теряющий

нити, страшен. Особенно страшен тот кукловод, которому нити достались случайно, по прихоти слепой судьбы. Доброе утро, Карло Баньелли.

У Бенедикта XX есть привилегии. Раньше он мог без стука войти в любую комнату в любом учреждении мира. Теперь появилась одна комната, куда он вынужден постучать, прежде чем войти. Но, по крайней мере, у него есть право постучать. У большей части людей его нет. Правда, Карло Баньелли ни разу не стучал в эту дверь. Ни разу не проходил мимо мрачных охранников. На него смотрят, как на увечного. Как на уборщицу.

И как на святого. Потому что воскреснуть из мёртвых – это не самое простое дело.

Но я отвлёкся от распорядка дня Джереми Л. Смита. Как бы то ни было, Карло Баньелли ещё появится в нашей истории.

Джереми Л. Смит не любит читать. Ненавидит. Зато теперь он умеет делать это бегло, причём на трёх языках. Его выучили, выдрессировали. Собака видит кубики с буквами и в соответствии со своей инстинктивной памятью составляет из них слова. Если попросить собаку составить что-то другое, чему фокусник её не учил, она не сможет. Потому что она всё равно не понимает смысла написанного. Джереми Л. Смит в этом отношении недалеко ушёл от собаки. Вы думаете, я богохульствую? Я говорю что-то не то? Напротив, я говорю вам правду. Джереми не всегда понимает то, что го-

ворит. То, о чём ему рассказывают. Он работает на инстинктах. Подражание действиям дрессировщика ради сахарного петушка.

Иногда Джереми скучает. Это чувство сложно назвать тоской или ностальгией. Просто ему хочется снова выйти на улицы. Пожить в дешёвых отелях. Покататься на автобусе, попялиться в окна. Его новая жизнь так разительно отличается от прежней, что их невозможно даже сравнивать. Он попал в золотую клетку. Но он не знает этой идиомы, и это хорошо.

* * *

Школа. Обыкновенная общеобразовательная школа, парты для двоих, смешанный класс. Это вам не индивидуалистская Америка. Это вам не великовозрастные придурки, каждый за своей партой. Вы видели, как они учатся? Это же смешно. Парню может быть двадцать лет, а он сидит за этой крошечной партой, держит в руках карандаш (нет, не ручку, что вы, не перо – карандаш, чтобы легче было исправлять ошибки) и заполняет квадратики теста. Кто был первым президентом Соединённых Штатов Америки? Варианты ответа: Джордж Вашингтон, Майкл Джексон, Микки Маус, Христофор Колумб. Не сомневайтесь: половина задумается над этим вопросом. Минимум двадцать процентов ответят неправильно. Это тест начального уровня. Если бы это был

тест высшего уровня, там были бы другие варианты: Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Франклин Делано Рузвельт, Билл Клинтон. Это вообще нерешаемая задача. Стоит подать на школьную программу в суд, потому что она требует от среднестатистического ребёнка слишком многого.

Но вернёмся в Италию, во Францию, в Бельгию. Вопрос: кто был первым королём династии Бурбонов? Нет никаких вариантов. Ребёнок поднимается с места и говорит: Карл Великий. Годы его жизни. Краткая биография. Он забудет это завтра – и чёрт с ним. Но сегодня он это знает.

Сегодня не просто урок. Сегодня урок смитологии. Доброе утро, Джереми Л. Смит. Доброе утро, Мессия. Каждый день мы начинаем с твоим именем на устах. Каждый день нам поют о тебе радио и телевидение. Доброе утро.

Дети, сегодняшняя тема – медицинская смитология, или технические основы чудесного исцеления. Мы живём в эру научного прогресса. Чудо не может позволить себе быть просто чудом и не более. Его необходимо объяснить. Если же мы не можем объяснить чудо, то попытаемся хотя бы выдвинуть гипотезу. Сначала ответим на вопрос: в какой момент проявилась чудесная сущность Джереми Л. Смита? Девочка тянет руку. «Да?» «Когда он воскресил Папу!» Правильно, говорит учительница, но суть не в этом. Суть в том, что дар Джереми Л. Смита проявился в момент высшего духовного подъёма, в искреннем желании спасти, воскресить, в любви к людям. Не так ли? Джереми Л. Смит скорбел по нашему

духовному отцу, и это помогло ему совершить то, что он совершил. Это открыло ему двери к откровению.

Это открыло ему двери к тёлкам и халявному пиву, скажу я вам. К самым лучшим тёлкам и самому лучшему пиву. Но этого вам не расскажут в школе. Это информация для избранных. Если же избранный говорит слишком много, появляется серая гвардия кардинала Спирокки.

Дети, урок рисования. Сегодня мы рисуем элсмит. Вот образец. Тема рисунка может быть любой, но элсмит должен быть его основной деталью – так сказать, сюжетообразующей. Конечно, в картине есть сюжет! А ты думал, что сюжет может быть только в книжке или фильме? Нет, в картине тоже должен быть сюжет. Когда ты смотришь на творения великих художников, ты представляешь себе, что произошло за несколько минут до сцены, изображённой на полотне, и что произойдёт потом. Это и есть сюжет. Так вот, элсмит на ваших рисунках не должен быть просто случайным граффити на стене. Он должен быть очень важной деталью. Постарайтесь продумать картину, нарисовать её у себя в голове, а потом уже перенести на бумагу.

Дети, вы рисуете член Джереми Л. Смита. Татуировку у него чуть ниже пупка. Но вам не обязательно это знать. Это священная тайна.

Все знают, что это в первую очередь татуировка, сделанная Маркусом Уилмонтом. Мало кто знает, где она расположена. Если бы она была расположена на заднице, вы бы це-

ловали Джереми в задницу, я не сомневаюсь. Вы готовы на всё ради того, чтобы стать здоровыми и красивыми. Нет, дети, это я не вам. Это я вашим родителям.

Сегодня в школе спектакль «Житие Джереми Л. Смита». Смит играет лучший ученик. Темноволосый мальчик в пиджачке и галстуке. Он старательно говорит красивые слова. Беседу с каждым новым героем он завершает благословением. Если ему сказать, что Джереми Л. Смит размазывал сопли везде, где проводил более десяти минут, он не поверит. Его самого отучили размазывать сопли на примере праведника Джереми Л. Смита. На примере его идеальной и прекрасной жизни. Родители сидят в зале. Они ждут кульминации спектакля. На помосте лежит мальчик, изображающий Бенедикта XX. Процессия из печальных детей идёт мимо него. Какая-то девочка хихикает, потому что идущий за ней мальчик не удерживается и щекочет её. Лучший ученик запрыгивает на помост и прикасается к Бенедикту. На заднем плане девочка валится в искусственный обморок. Игрушечные полицейские оттаскивают лучшего ученика. Бенедикт поднимается. Играет музыка. Это триумф. Родители счастливы: их дети приобщаются к учению Джереми Л. Смита, они становятся подобными им, родителям. «Ты прекрасно сыграл», – говорят кому-то, кто весь спектакль стоял на заднем плане и держал хоругвь с портретом Смита. «Девочка моя, ты была восхитительна», – говорят маленькой актрисе, которая падала в обморок. Дети счастливы. Смит входит в

их сознание, втемяшивается в их детские умы, становится их частью, их религией. Смит внутри них.

* * *

Джереми Л. Смит выезжает в люди. Такое тоже бывает. Например, нужно прочитать проповедь в какой-нибудь церквушке в маленьком городке. Посетить больницу, хоспис, лепрозорий. Всё, что угодно.

Это отдельная процедура.

Джереми Л. Смита одевают и готовят к выезду. Он в синем. Прочие цвета – для других случаев. Чёрный – для скорби. Белый – для публичных проповедей и исцелений «на месте». Красный тоже есть, но его черёд ещё не пришёл. Он идёт к машине, к своему огромному «Майбаху», к этому сухопутному кораблю, яхте класса люкс. Перед ним услужливо открывают дверь. Никто не садится в машину, кроме Джереми. Даже кардинал Спирокки знает, что Смит любит ездить в одиночестве, отгородившись от шофёра непроницаемой чёрной перегородкой. Впрочем, у Спирокки есть свой лимузин.

Джереми Л. Смит разваливается на диване в машине. Хорошо бы сейчас девочку, но – не время. И не место. Алкоголь тоже нельзя. Придётся терпеть. Ехать далеко – триста пятьдесят километров. Турин. Детский онкологический центр. Очередное рекламное чудо. Господи, посмотри на свою нео-

новую вывеску, на свой пиар. Ты теряешь популярность, потому что твой слоган эффективнее тебя самого, Господи.

Джереми Л. Смит нажимает на кнопку плеера. Раздаётся музыка. Система random: мелодия выбирается наугад из составленного Джереми плейлиста. Впрочем, «составленный» – это громко сказано. Просто Джереми иногда говорит: эта мелодия мне нравится. Хочу её себе. И она тут же появляется в плейлисте. Сейчас играет какой-то гангста-рэп.

Дети, как вы думаете, какую музыку любит наш Мессия, Джереми Л. Смит? Девочка тянет руку. Псалмы, кричит она. Псалмы, как же. Учительница одобрительно кивает. Да, конечно, музыка должна быть правильной, праведной, социально одобренной. Молодцы, дети.

Джереми Л. Смит любит панк-рок. Разлетающиеся во все стороны глаза, зубы, копрофагию, ненависть. Тяжесть и гаражность. Ещё он любит рэп. Чтобы «fuck» встречалось через каждые два слова. Чтобы ненависть лилась через край. Так проще. Так удобнее. Так прикольнее.

Джереми лежит на диване и подпевает. Нет, даже не подпевает – он поёт в полный голос. Он безбожно фальшивит. Хуже него не поёт, вероятно, никто. Но он получает от этого удовольствие. Шофёр вынужден это слушать. Не потому, что ему интересно. Он в любой момент может выключить прямую связь с салоном. Просто он обязан слушать всё, что говорит Джереми Л. Смит. Каждое его слово. Ловить каждый звук. Потому что каждое слово Джереми Л. Смита име-

ет вес. Даже его фальшивые ноты, его отвратительный панк. Его отрывка. Хлюпанье носом. Это очень важно. Без этого – никуда.

Кортеж из десяти автомобилей. Охрана, бронированные джипы. Машины сопровождения. И «Майбах» Джереми. Сегодня на повестке дня, к примеру, хоспис. Пусть это будет детский хоспис. Пусть он будет недалеко – скажем, в трёх часах езды. Джереми больше всего на свете ненавидит это время. Эти три часа. Пять часов. Десять часов. Потому что перед демонстративными сеансами исцелений нельзя пить. Нельзя трахать девочек прямо в лимузине. Нужно быть Мессией. Праведником. Поэтому Джереми слушает свой гангста-рэп и подпевает. Потом он включает телевизор.

Джереми не любит документальные передачи, новости. Он любит боевики и мультфильмы. MTV, «Бивис и Баттхед» – самый идеальный вариант. Ещё – «Южный Парк». Ещё – «Губка Боб Квадратные Штаны». То, что надо. «Футурама» – не катит. «Симпсоны» – не катят. Теперь у Джереми множество DVD с мультфильмами. Он ставит один из них – это «Бивис и Баттхед», серия про Великого Кукурузо. Джереми знает её наизусть, дословно. И всё равно смеётся почти всё время. На экране обдолбанный кофеман Бивис ходит по школе с поднятыми руками, заходит в классы и вопит: «Я – Великий Кукурузо! Дайте мне бумажку! Мне нужно потереться! Бойтесь гнева моего аналио!» Джереми искренне радуется. Это смешно, потому что глупо. Это смешно, да.

Джереми не понимает, что сам он – такой же Бивис. Что все его американские собутыльники, псевдодрузья – это такие же Бивисы. Что всё это – даже не пародия, а правда. Что так оно и есть. Вы любите Джереми Л. Смита? Значит, вам придётся полюбить всё, что нравится ему. Вам придётся полюбить этого засранца Бивиса. Идиота Баттхеда. Тупого Патрика Стара из «Спанч Боба». Великомученика Кенни Маккормика из «Саус Парка». Вам придётся полюбить их всей душой. У вас нет другого выхода.

Автомобиль едет по дороге. Джереми смотрит мультфильмы. Шофёр в тысячный раз слушает одни и те же экранные диалоги. Мы любим тебя, Джереми Л. Смит.

Наконец, они приезжают. Шофёр обходит машину и открывает дверь. За двадцать минут до прибытия он подал Джереми сигнал: привести себя в порядок, скоро выход. Дефиле, подиум. Джереми Л. Смит выходит из машины величественно, вальяжно. Он научился этому: его отлично выдрессировали. Он выходит из машины, и главврач хосписа чуть ли не на коленях ползёт к нему, и по щекам этого солидного лысого господина в роговых очках текут слёзы. Он уже давно не верит в медицину. Каждый день он видит, как дети умирают от рака. От СПИДа. От синдрома Арлекина. Он смотрит на этих детей и знает, что он – просто смотритель на кладбище. Что всё его образование, весь его медуниверситет, все его вскрытия и неврологические тренинги пошли прахом. Он знает, что может только успокоить лысую

девочку: конечно, у неё снова появятся волосики. На самом деле ей осталось недели две. Она живёт на морфине, потому что иначе – дикие боли. Невыносимые пытки.

И вот теперь он лижет ботинки Джереми Л. Смиту, этому чёртову америкосу, тупому уроду, новому Мессии. Потому что Джереми Л. Смит может сделать то, на что не способен наш доктор. Он может спасти тех, кого невозможно спасти. Он может помочь тем, кому уже нельзя помочь. Он поставит на ноги паралитика и вернёт нормальное дыхание умирающему от рака лёгких.

Джереми Л. Смит идёт, а вокруг толпятся родители, сёстры, братья, дедушки и бабушки детей из хосписа. Их не пропускают за ограждение. Они кричат: «Спаси моего Тимми!», «Моя Салли в шестой палате!» – и так далее. Они кричат, потому что панически боятся того, что Джереми пройдёт мимо их чада. Он спасёт одного мальчика и проигнорирует лежащего рядом с ним. Если он сделает так, то сразу станет их смертельным врагом. «Не спас» равно «убил». Но он коснётся каждого. Он никого не обойдёт своей милостью. Каждый почувствует его благодать.

Джереми идёт по коридору больницы. Это игровые комнаты. Дети, которые могут ходить, играют тут в кубики и куклы. Навстречу Джереми выбегает малыш лет трёх. Он смотрит на человека в синем огромными глазами. У него врождённый ВИЧ. Его мать была наркоманкой. Он родился с червём внутри. Этот червь ест его – медленно, мучительно.

Мальчик не знает об этом. И Джереми не знает об этом. Но Джереми поднимает руку и кладёт её мальчику на макушку. И всё. Он здоров. Он – как новенький. Его здоровью можно позавидовать. Джереми Л. Смит совершил очередное чудо.

Джереми проходит мимо открывающихся дверей, мимо благоговейно смотрящих на него медсестёр и врачей, мимо воспитательниц и нянечек. Он проходит царственно, точно Бог, точно нет никого, кроме него, этот убогий урод, этот подонок, он чувствует себя так, будто центр мира движется вместе с ним и зависит от него. Джереми заходит в одну из палат. Тут – лежачие. Три койки, каждая в отдельном боксе. Он поворачивается направо.

Сколько лет этому существу? Этому сморщенному яблоку? Уродцу? Джереми противно. За ним – его свита, его охранники и кардиналы, его врачи и медсёстры. Его терракотовая гвардия, лизоблюды, они готовы целовать его в задницу, они заглядывают ему через плечо, чтобы в тысячный раз наблюдать чудо исцеления. Джереми кладёт руку на изувеченный лоб. Правый глаз существа, мутный, водянистый, раскрывается. Из него течёт слизь.

Он родился таким. Родился белым и бесполом, со слепыми водянистыми глазами, без волос и ушных раковин. Он никогда не был человеком, он всегда был уродом, монстром, фриком для циркового шоу. Он никогда не мог передвигаться самостоятельно, и его жирная мамаша из бедного района, потянув на себе эту тяжесть первые два года, сдала его в

приют, где его доростили до шестнадцати. У него сросшиеся пальцы, отчего рука похожа на варежку. Его чересчур тяжёлые кости пережимают слабые связки и мышцы, он может разве что следить глазами и открывать беззубый рот.

И вот появляется Джереми, Великий Мессия. Исцелитель павших. Спаситель убиенных. Он кладёт руку с ухоженными ногтями на высокий морщинистый лоб с тёмными отметинами и поднимает глаза. Он может и не поднимать их, потому что всё равно не знает, откуда этот дар. Он не знает, кто такой Бог: он не знаком с ним лично. Но он поднимает глаза, потому что у кого-то в руке камера, и ещё одна, и ещё. Потому что это шоу, которое приносит бешеные деньги, и нельзя обмануть ожидания толпы.

Под рукой Джереми морщины на лбу существа разглаживаются. Глаза из слепых и водянистых становятся прозрачно-голубыми, но – зрячими. На голове появляется пушок – светлый, едва заметный. Это волосы, которых у него никогда не было. Его впалая грудь изменяет свою форму, пальцы расклеиваются и комкают одеяло. Когда Джереми убирает руку, на кровати лежит мальчишка. Он плохо развит для своих шестнадцати. Конечно, ведь он почти не двигался столько лет. У него слабые руки и ноги, удивлённый взгляд. Он пытается что-то сказать.

Они смотрят на него, на этот объект эксперимента, на уродца из цирка. Человек-рыба, человек-лосось. Так его звали. Он силится выговорить всего два слова, но язык не под-

чиняется ему, потому что у него никогда раньше не было языка. Вместо него во рту был странный отросток, похожий на сперматозоид. Он вяло перекатывался и иногда затыкал ему дыхательное горло, и врачи извлекали его с помощью щипцов.

На выдохе, в сумасшедшем усилии он говорит:

«Мама?»

Два слога, которые втемяшились в его пока ещё пустую голову. Он ведь не глухой. Он слышал столько всего вокруг себя, но никогда этого не понимал. А теперь на него обрушивается ураган знаний, которые нужно рассортировать, разложить по полочкам, классифицировать. Джереми Л. Смит идёт ко второй койке.

На коленях у кровати исцелённого стоит человек в белом халате. Он шесть лет следил за этим существом. Он ничего не мог сделать. Теперь у него есть новая работа: научить только что рождённого жить.

Это редкая палата. Джереми Л. Смит безошибочно выбирает самое страшное место. Место, где держат научные объекты. Тех, на ком изучают прихоти человеческого развития. Аномалии.

В XIX веке в Великобритании жил Джозеф Керри Меррик по прозвищу Человек-Слон. Его нашёл на улицах Лондона врач Фредерик Тривз в 1886 году, тогда ему было 24 года. Меррик с детства страдал двумя тяжелейшими генетическими заболеваниями: болезнью Реклингхаузена (нейрофибро-

матозом типа I) и синдромом Протея. Он вообще не был похож на человека. Ничего страшнее Меррика никто из Королевской академии наук не видел никогда. Никто из этих лощёных докторов. Ни одна часть тела Меррика не была человеческой. Ни одна не была симметричной. Он не мог даже самостоятельно двигаться, потому что его шея не держала огромную асимметричную голову с многочисленными костными наростами. Он придерживал её правой рукой, на которой были пальцы – семь штук. Левая висела бессмысленной плетью – почти до земли.

Он писал стихи и прозу. Он демонстрировал своё уродство за деньги, работал сначала на табачной фабрике, а потом – в цирке уродов. Он был разумен. А когда ему исполнилось 27 лет, он покончил с собой, потому что в его время не существовало Джереми Л. Смита, который мог спасти его от самого себя. Зайдите на какой-нибудь энциклопедический сайт. Откройте книгу. Найдите статью «Человек-Слон». Посмотрите на эти фотографии.

И радуйтесь. Вам не нужен Джереми Л. Смит. Радуйтесь тому, что он вам не нужен.

Тем, кто лежит в этой палате, – нужен. Они не могут без Джереми Л. Смита. Точнее, они могут, а вот их родители, опекуны, врачи – нет.

На второй койке лежит половина человека. У него нет рук и ног. Шеи – тоже. Маленькая круглая голова вдавлена в туловище. Его глаза закрыты. Он дышит, бочкообразная грудь

вздывается. Джереми Л. Смит кладёт руку на потный безволосый лоб существа.

Оно не просыпается. Но под простыней появляются очертания конечностей.

Ему тринадцать, этому монстру. Он никогда не разговаривал ни с кем, хотя, судя по медицинским данным, ничто ему не мешало. Его мать не отказалась от него. Она иногда навещает хоспис. Ему осталось около двух лет, после этого его чудовищная печень откажет. У него всегда были проблемы с пищеварением.

Голова увеличивается, появляется шея. Полный мальчик, и ничего более. Он спит. Когда он проснётся, он впервые возьмёт стакан с водой собственной рукой. Металлический стакан – стеклянный надо ещё научиться держать.

Это происходит так и никак иначе. Джереми Л. Смит проходит по палатам лежачих, а потом попадает в общую приёмную. Ему обустроивают трон. Ставят напитки и еду. Он сидит царственно, вальяжно, а к нему маршируют по команде умирающие девочки и мальчики.

Как тебя зовут, девочка? Дженни? Хорошая девочка.

Будем знакомы: Дженнет Бигль, девять лет, саркома позвоночника, неоперабельно.

А тебя? Макс?

Массимо Манца, шесть лет, врождённый ВИЧ.

Джереми Л. Смит возлагает руки на их головы, и они исцеляются. Они становятся заурядными, обыкновенными

детьми. Их уже не жалеют, им не дарят самые дорогие и красивые игрушки. Они отправляются домой.

Но теперь их нельзя ругать. Нельзя наказывать. Нельзя запрещать что-то. Нет, что вы, не потому что они были смертельно больны, а теперь – здоровы. Нет-нет. Потому что их коснулась рука Господа. Рука Джереми Л. Смита. Потому что их выздоровление – это божественное откровение. Это спасение неспасаемых и неспасённых.

Джереми Л. Смит сидит на своём троне. К нему подходят страждущие, а он, наместник Господа на земле, лечит их, спасает.

Конвейер жизни. Спасение 911. Прямая линия с Богом.

* * *

В какой-то момент становится понятно, что Джереми Л. Смит не может спасти всех. Не может помочь всем страждущим. Что его одного слишком мало на миллионы больных. Теперь в каком-нибудь Гонолулу, у чёрта на рогах, человек, попадая в больницу, сразу ропщет на врачей, потому что до Джереми Л. Смита им далеко. Они не могут сделать элементарную вещь: дать верный антибиотик, срastить сломанную ногу, удалить аппендикс. Медицинское образование – это чушь собачья. Всем нужен Джереми Л. Смит. И поэтому они пишут письма. По этим письмам размазаны слёзы и пот. Они впитали в себя всё, что чувствуют их авторы: от

тонкого расчёта до настоящей боли. Они приходят в огромную канцелярию Джереми Л. Смита и непрочитанными отправляются в измельчитель. Хотя некоторые всё же распечатываются. Некоторые – это полторы тысячи в день. Вся канцелярия работает ради этих полутора тысяч. Остальным десяткам тысяч уготовлен измельчитель.

Где-то там, в каком-нибудь Иркутске, умирает девочка, спасти которую может только Джереми Л. Смит. Но шестнадцать писем от её матери отправляются в мусор. Зато письмо с выражением уважения и пожеланиями всех благ от сеньора Букагги из Пьемонта доходит по адресу и в срок. Потому что оно смешное. Потому что оно может развеселить канцелярию. И Джереми Л. Смита, наверное, тоже. Хотя у него своеобразное чувство юмора.

Он открывает новые способы применения своих способностей. Девушку слева от него зовут Мария Бранка. Она итальянка. У неё длинные ноги и высокая грудь. И округлые ягодицы. Джереми Л. Смит тушит об её задницу сигареты, а потом исцеляет ожоги. Это очень весело. Ей больно, но она привыкла, потому что за такую привычку очень хорошо платят. Он выжигает на её заднице сердце. Он смеётся. Она тоже смеётся, сквозь её смех прорываются огромные прозрачные слёзы, которые капаят на белоснежную подушку.

Они боятся его. Все эти папские прихвостни, кардиналы и даже серая гвардия. Боятся и при этом не могут отпустить. Потому что это их золотая жила. Идеальный источник дохо-

да. Прижизненный святой. Они боятся не того, что он может с ними сделать. По сути, он ничего не может. Они боятся, что однажды они потеряют над ним контроль. Что в нём проклюнется собственная воля, которой быть не должно. Эти сигаретные сердечки на заднице и есть первые признаки собственной воли. Первые признаки того, что Джереми Л. Смит имеет свой собственный характер. Мерзкий, извращённый. Тупой.

Поэтому они старательно насаждают ему то, чего в нём нет. Девочки, которые поступают к Джереми Л. Смиту, тщательно инструктируются. Они знают, что можно говорить, а что – нельзя. Они знают, что Смит должен всегда оставаться пешкой под видом ферзя.

В тот момент, когда Мария Бранка смеётся сквозь слёзы, она исполняет Волю Божью. Не случайную прихоть избалованного имбецила, а указ свыше. Она вступает в прямой контакт с Господом. Она знает номер его мобильного телефона.

Где-то умирают люди – умирают каждый день, каждую минуту. Если бы Джереми Л. Смит разделился на двадцать частей по сто Смитов в каждой, он бы всё равно не спас всё человечество. Только поэтому ему позволяют лежать в постели в окружении охренительных шлюх. Если бы существовала самая малая вероятность того, что он успеет всюду, у него не было бы ни одной свободной секунды. Это был бы даже не конвейер. Это был бы целый завод по производству здоровья и долголетия.

Но на сегодня приёмная часть дня окончена. Джереми Л. Смит отдыхает. Остальное – завтра. Весь мир ждёт у его ног.

* * *

Не забывайте про Уну Ралти. Не забывайте про Карло Баньелли. Не забывайте про кардинала Спирокки. Они нам ещё понадобятся. Не забывайте множество других имён, которые окружают Джереми Л. Смита. Тысячи имён. Каждое имя – это либо спасённая жизнь, либо оскорблённый и униженный человек. Два варианта – третьего не дано.

Все они становятся составляющими легенды. Легенда рождается сама, на ваших глазах. Потому что легенда – это правда. Это то, что вы видите по телевизору и слышите по радио, а не то, что происходит на самом деле. Я рассказываю вам не правду, нет, что вы. Я представляю вам реальность. Правда – это совсем другое.

Впрочем, они смешиваются: правда и реальность. И получается сюжет. Завязка – кульминация – развязка. Стандартный театральный трюк. Стандартная последовательность действий. Именно в этот момент, когда дело, наконец, подходит к завязке, я устаю от Джереми Л. Смита и того, что его окружает. Я начинаю ненавидеть его так, как должны ненавидеть его вы. Так, как вы его обожаете. И всё, что вы прочитаете дальше, написано ненавистью, моей ненавистью к этому ублюдочному пиндосу, тупому уроду, Джереми Л. Сми-

ту, новому Иисусу Христу.

Комментарий Марко Пьяццола, кардинала Всемирной Святой Церкви Джереми Л. Смита, 24 ноября 2... года.

Автор и в самом деле был неплохо знаком с реалиями того времени и с ближайшим окружением Джереми Л. Смита. Не все имена, упоминающиеся в главе, широко известны, информация о некоторых из указанных лиц является секретной. Это неизбежно приводит к выводу, что автор находился в ближайшем окружении Мессии и базировал свои домыслы на реальном материале, что придаёт тексту видимую достоверность.

Исцеления Джастина Джера, девушки по имени Мария, Дэсеннет Бигль, Массимо Манца и прочих имели место: они описаны совершенно точно, как будто автор присутствовал при каждом из них. Официальные протоколы Всемирной Церкви Джереми Л. Смита подтверждают вышеупомянутые факты. Тем не менее, крайне недостоверно представлена мотивация Мессии при проведении исцелений. Я не могу поверить, что каждое исцеление – всего лишь механический акт, навязанный Джереми Л. Смитом кардиналом Лючио Спирокки (в дальнейшем – Св. Лючио) и Папой Бенедиктом XX (в дальнейшем – Св. Бенедикт). Образ первого показан чудовищно: если бы Св. Лючио и в самом деле мог ве-

сти себя таким образом как по отношению к Мессии, так и по отношению к другим окружающим, он никогда не смог бы добиться столь высокой должности. В частности, мне трудно понять фрагмент, в котором Св. Лючио якобы впервые поверил в Бога. Неужели в те далёкие времена высшие представители церковной иерархии могли быть неверующими? Неужели они могли каждый день врать людям? Ответ однозначен: нет. Данный пассаж может быть только ложью.

Цитаты из кинофильмов и литературных произведений, рассеянные по тексту, являются указанием на то, что автор не обладает достаточным запасом жизненного опыта для того, чтобы базировать на нём текст. Он вынужден обращаться к третьесортному материалу для придания убедительности собственным словам – и в этом плане достаточно близок к народу, в какой-то мере ближе, чем Всемирная Церковь. В этом заключается опасность подобной ереси: человек из толпы скорее поверит простым и понятным ссылкам на известные ему материалы, нежели высокой доктрине Церкви. В очередной раз повторяю: документ должен быть уничтожен.

3

Яви нам чудо

«Давно не было новых чудес, – говорит старик Покко. – Даже больше: их не было вообще никогда. Мне вот всё кажется, что наш Мессия работает по какой-то стандартной схеме. Исцелил – отдохнул. Исцелил – отдохнул. А вот может он вернуть мне молодость?»

Бар пустует. Никого, кроме самого Покко и бармена. Бармену тоже тысяча лет. Его зовут Марко. Его дряблые руки с удивительной сноровкой моют в сотый раз бокалы и переливают искрящиеся жидкости из одной ёмкости в другую.

«Может, это вообще всё неправда, – продолжает старик. – Может, никакого Смита не существует. Они нам показывают по телевизору эти сеансы да выгоняют на балкон крошечную фигурку. А кто это – чёрт его разберёт...»

«Слышал бы тебя Манти. Ты бы до своих восьмидесяти не дожил. Он бы тебя задушил прямо здесь».

«Да-а... – протягивает Покко. – Ну, он-то бывал на площади. Даже дважды. До сих пор чувствует себя одухотворённым. Это мы-то с тобой старые прагматики...»

Марко молча моет бокал.

В это время перед дверью бара останавливается чёрный «Мерседес-Бенц». Дверь открывается, появляется молодой

человек простецкого вида. У него взъерошенные тёмные волосы и пустые голубоватые глаза. Он заходит в бар. За ним – ещё двое. По виду – охранники.

Это Джереми Л. Смит. Это его путешествие инкогнито. Желание хотя бы на час перестать быть Мессией и стать человеком.

«Виски», – говорит он.

Пока Марко наливает, Покко внимательно всматривается в лицо посетителя. Он уже понимает, кто перед ним. Он видел это лицо на телеэкранах. Там оно выглядит несколько иначе. Они гримируют его, прежде чем выпускать в народ. Потому что толпа разорвёт его на части, словно зюскиндовского Парфюмера. Покко смотрит на Джереми внимательно, практически глаза в глаза. Джереми обращает внимание на старика. Он поворачивает голову, и в этот момент Покко задаёт свой вопрос.

Если бы на месте старика был кто-то верующий и любящий Джереми как самое себя, всё было бы иначе. Он бы промолчал, не решился бы. Спросил бы что-нибудь нейтральное вроде «как дела», а после всю жизнь рассказывал потомкам, как он беседовал с Мессией. Но Покко – человек без комплексов. Возраст выжал из него всё стеснение, все комплексы и проблемы.

Когда Покко открывает рот, чтобы задать вопрос, в баре появляется седой человек в элегантном сером костюме. Это кардинал Спирокки. Он слушает всё, что говорят в толпе о

Джереми Л. Смите. У него тысячи ушей в разных уголках мира. На основании этого он делает выводы и строит планы. Надо отметить, что он входит вовремя.

«А ты можешь сделать меня молодым?» – спрашивает Покко, глядя Смиту прямо в глаза.

Это искушение Христа. Сможешь ли ты спрыгнуть с крыши храма и не разбиться? Сможешь ли ты прожить в безводной пустыне месяц? Сможешь ли ты укротить льва?

Джереми внимательно смотрит на старика. Бокал с виски застыл в его руке. Он не знает ответа на вопрос. Охранники ждут от Спирокки указаний.

Джереми отпивает глоток и ставит бокал на стойку. Марко боится повисшего в воздухе молчания.

«А чё, могу», – говорит Джереми.

В этот момент Иисус на глазах у безумствующей толпы бросается с крыши храма и доказывает, что он – Сын Божий.

«Так сделай».

Это ведь так просто, дружок. Положи руку на лоб старика. И сделай его молодым. Это может любой джинн в любой восточной сказке. Любой волшебник.

Спирокки неожиданно понимает, что нужно вызывать серую гвардию. Джереми Л. Смит, который не сумел совершить чуда, – это гораздо страшнее, чем Джереми Л. Смит, предающийся разврату со шлюхами. Но Смит уже тянет руку к старику и дотрагивается до его дряблой щеки.

Это жест, который меняет мир. Обезьяна умеет нажатием

красной кнопки правильно выбирать дверцу: за одной – еда, за другой – удар током. В её инстинктах закрепляется: красная – еда, зелёная – боль. Обезьяна делает это автоматически, не думая, легко. Если поменять цвета кнопок на синий и белый, ей придётся учиться заново. Это дрессировка. Но когда обезьяна складывает палку и камень, чтобы получить топор, это уже не дрессировка. Это признак зарождающегося разума.

Джереми Л. Смит складывает палку с камнем. Всё зависит от того, что у него получится.

Покко смотрит скептически. Его слезящиеся старческие глаза прищурены.

Чудо, которое становится нормой, перестаёт быть чудом. Если современный человек попадает в десятый век и демонстрирует зажигалку, на него смотрят как на волшебника. Если он налаживает производство примитивных зажигалок в том же десятом веке, из волшебника он превращается в обыкновенного человека, который придумал зажигалки.

Джереми Л. Смит закрывает глаза.

Неожиданно кардинал Спирокки понимает одну вещь. Джереми Л. Смит никогда не верил в Бога. Не был ни его частью, ни его посланцем. Но теперь, если Джереми Л. Смит сделает то, что пытается сделать, он поверит в Бога. И это будет началом другого Джереми. Которым будет очень сложно управлять.

Поэтому кардинал Спирокки достаёт из кобуры малень-

кий чёрный пистолет с глушителем и выпускает старику Покко пулю в голову. А затем – бармену Марко.

Джереми Л. Смит смотрит на кардинала. Его лицо выражает удивление. Серая гвардия впервые работает прямо при нём, не стесняясь.

«Чё?..» – произносит он, и вопрос повисает в воздухе.

«Всё в порядке, – отвечает Спирокки. – Так нужно».

И тогда Джереми Л. Смит наклоняется к телу старика и снова кладёт руку ему на лоб. В этот момент кардинал Спирокки понимает, что непоправимо ошибся.

Здесь мне очень хочется рассказать, что Спирокки вышел из бара и пустил себе пулю в лоб. Но так не бывает. Подобное можно увидеть только в кино. Негодяй, чувствуя свой провал, благородно и мужественно (или, как вариант, мелочно и трусливо) освобождает мир от своего присутствия. Нет, такого не бывает в реальности. Спирокки медленно прячет пистолет в кобуру. Джереми Л. Смит стоит на коленях возле мертвеца.

«Именем Господа», – говорит кардинал.

Джереми поднимает на него глаза и повторяет: «Именем Господа».

И тогда Покко поднимается с земли. На его лбу разглаживаются морщины, мешки под глазами тают, зубы становятся ровными и белыми, а глаза – серыми. Перед нами молодой мужчина лет тридцати, невысокий, приятной наружности, с прямым тонким носом и волевым подбородком.

Но в глазах у этого мужчины нет мужества и силы. В его глазах – выражение собачьей преданности. Так пёс, наказанный и избитый плетью, рвёт глотку врагу, спасая жизнь своего мучителя. Так раб в Риме, униженный и загнанный хозяином, сражается против северных варваров плечом к плечу со своим угнетателем, потому что это – Рим. Так ацтек, приготовленный для принесения в жертву кровавому Уицилопочтли, прикрывает собой убийцу-жреца от копья индейца из другого племени. Это такая преданность, которую невозможно купить за деньги или приобрести со временем. Это преданность, впитавшаяся в кровь, ставшая частью разума.

Покко падает на колени и утыкается лицом в джинсы Джереми Л. Смита. Смит смотрит на Спирокки. В его глазах – торжество.

* * *

Машина едет по улицам Рима. Спирокки молчит. Джереми Л. Смит – тоже.

В бар заходят два человека в сером. Это именно то, что нужно было сделать с самого начала. Старик Марко – живой – сидит у стойки, опираясь на руку. Он смотрит в пол. На полу, прислонившись к стойке спиной, сидит молодой Покко.

Каждый серый солдат делает по выстрелу.

Джереми Л. Смит не знает об этом. Двадцать минут назад он понял, что может не только исцелять. Он неожиданно

осознал собственное всевластие. Возможность сделать абсолютно любую вещь. Всё, что угодно. И теперь он не знает, есть ли граница. Впрочем, он не задумывается об этом. Он просто смотрит на свои руки и удивляется им.

Машина стоит в пробке. Пробки в Риме – дело обыкновенное. Половина города – пешеходная зона. Вторая половина – старинные узенькие улочки.

Воды Красного моря разошлись перед Моисеем, думает кардинал. Он очень боится, что об этом вспомнил и Джереми Л. Смит. На самом деле ничего перед Моисеем не расходилось. Моисей знал брод. Он сорок лет водил свой народ по пустыне, чтобы выбрать единственное место, где нет месторождений нефти.

В то время как машина Джереми Л. Смита стоит в пробке, Уна Ралти даёт очередное интервью бульварной газете. Джереми Л. Смит быстро забывает тех, кто становится святым благодаря ему. Уна Ралти сидит в редакции на широком мягком диване. В её руке – сигарета с мундштуком, в другой – бокал вина. Она одета дорого, но неброско. Она давно уже не работает на панели – с той самой минуты, как её изображение впервые появилось в таблоиде.

Она рассказывает, какую праведную жизнь теперь ведёт. Она много жертвует на приюты, борется против уличной проституции, из которой её вытащил Джереми Л. Смит. Они фотографируют её. Особенно хорошо крупным планом выходят её серые глаза. Они и в самом деле красивые. Продук-

ция под маркой «Уна Ралти. Почувствуй спасение» продаётся на ура. Духи, туалетная вода, дезодоранты, мыло, шампунь, кондиционер. Ей предложили это после третьего появления на экране. Идеальная рекламная кампания, раз имя самого Смита уже застолбил Ватикан. «Святая грешница» – это колготки, трусы и бюстгалтеры. «Уна» – это линия эпиляторов «Bosch». Уна по-прежнему пользуется успехом у журналистов.

Пока Уна говорит о своём знакомстве с Мессией, «Мерседес» Джереми останавливается у газетного киоска. «Майбах» слишком заметен для путешествий по Риму инкогнито – вот причина, по которой сегодня Джереми на «Мерседесе». Джереми замечает обложку модного журнала и узнаёт лицо. Это Уна Ралти.

Покажите Джереми портреты Марко Бенти или Массимо Альда. Он не вспомнит их. Вы тоже не помните, кто они такие, когда читаете эти строки. Вы пытаетесь найти их имена на предыдущих страницах. Они там есть. Но искать их нет смысла: я напому вам. Это люди, которые подвозили Джереми до Рима.

Но Уну Ралти он помнит. Это первая тёлка, которая дала ему в Европе. Он узнаёт это лицо в оспинах и серые глаза. Из второго «Мерседеса», где едет кардинал, никто не выходит.

«Купи последний People, давай», – говорит Джереми шофёру.

Джереми листает журнал. Он читает интервью с Уной Рал-

ти. Он ничего не понимает. Она говорит цитатами из Библии. Она говорит о спасении, о мраке Преисподней – о чём угодно, но не о том, что он хочет прочитать. Она рассказывает, как он бросил ей спасательный круг, как вытянул её из тьмы и грязи, но ни слова конкретно. Джереми помнит, как она делала ему минет. Он помнит, как они трахались. Он помнит, что она рассказывала ему о Риме, а у него была одна мысль: как бы снова ей засадить. Он не бросал ей спасательных кругов и верёвок. Он оставил ей только деньги и свою сперму. Больше он ничего ей не дал. А она говорит, что из его глаз лучился божественный свет, что она чувствовала исходящую от него космическую энергию.

«Останови, давай», – говорит Смит. Машина тормозит.

Он поднимает телефонную трубку и набирает номер второго «Мерседеса». Через минуту кардинал Спирокки сидит рядом с Джереми.

«Найди мне её, а?» – говорит Смит.

Кардинал Спирокки смотрит на портрет Уны Ралти. Всё, что она говорит, одобрено кардиналом. Каждое слово выверено специальной службой. Для неё пишут тексты точно так же, как для Джереми. Уну нужно приготовить для Смита – она приготовлена. Смит сам почувствовал момент, когда нужно свести их вместе. Кардинал понимает, что всё сделал правильно.

«Завтра», – говорит он.

«Сегодня», – отвечает Смит.

Потеря власти – это именно то, чего так боится Спирокки. Уна послужит новым рычагом для управления Смитом. Потому что старые рычаги притёрлись и стали слишком часто давать сбои.

«Ну что же. Пусть будет сегодня», – кивает он и выходит из машины.

Он набирает номер, ещё не дойдя до собственного «Мерседеса».

«Уна», – говорит он.

«Да, кардинал».

«Смит хочет тебя видеть. Он говорит: сегодня. Ты появишься завтра».

Уна ждала этого. Она была предупреждена. Она кивает журналисту из таблоида и говорит, что ей срочно нужно идти, потому что время не ждёт.

* * *

Джереми Л. Смит не смотрит новости. Он любит мультфильмы.

Хотя на первых порах он их смотрел. Не просто смотрел, а глотал. BBC, CNN, Euronews – всё подряд. Он глотал новости, жадно вцеплялся в них глазами, дотрагивался до экрана руками и не мог поверить, что лицо, которое показывают по всем телеканалам, – это его лицо. Он часами пересматривал программы о себе, свои интервью различным каналам, изу-

чал свои гримасы, свои ужимки. Дело в том, что раньше Джереми Л. Смит видел себя только на фотографиях, сделанных в полицейском участке. Они все видели себя только на таких фотографиях, все ублюдочные дружки Джереми Л. Смита, вся его американская армия. Джереми Л. Смит никогда не видел себя со стороны в окружении людей, не видел своей мимики на видео – в действии. Зеркало не считается. Перед зеркалом Джереми строил рожи, брился и расчёсывался пятёрнёй. А потом он появился на экранах. Его внезапно стало очень много, гораздо больше, чем любого другого человека на земле. И Джереми стал выпитывать себя, глотать себя, питаться собой.

Передачи про своих «соратников» он не смотрел. Когда он видел интервью с очередным человеком, который однажды столкнулся с ним и теперь нёс чушь о длани Божьей, он переключал. Он попросту не помнил этих людей. Они были случайными шавками на его пути. Обстоятельствами. Поэтому он не видел ни одного интервью с Уной Ралти. Газет и журналов он тоже не читал. Точнее, читал – по указанию кардинала. Кардинал считал нужным ещё подготовить его перед новым витком, перед появлением Уны. Когда он счёл Джереми готовым, он позволил ему увидеть Уну.

Джереми помнит об Уне Ралти, когда идёт по коридору в свои апартаменты. Он помнит об Уне Ралти, когда две девушки невероятной красоты снимают с него одежду и умащают его тело благовониями. Он помнит об Уне Ралти, когда

они целуют его и облизывают, и когда он проводит шершавой ладонью по их бархатным ягодицам, и когда окунается в водопады их волос.

Точнее, он помнит не саму Уну. Реальная Уна для него никогда не существовала. Он помнит женщину с серыми глазами, которая сделала ему самый классный минет в его жизни. И это – точка опоры.

Помните ли вы всех людей, с которыми так или иначе сталкивались в своей жизни? Конечно, нет. Но их лица кажутся вам смутно знакомыми. Вот этого человека вы никак не можете узнать, пока он не напомнит, что стоял на входе в одном учреждении и всё время отпускал похабные шуточки. Тогда вы вспоминаете его мерзкую харю. А вот другой – вы тоже не можете понять, где его видели. Но он подсказывает, что дал вам прикурить в варшавском аэропорту. И вы вспоминаете: да, он был очень обходителен и случайно унёс вашу ручку, которую одолжил, чтобы заполнить декларацию.

Так же и с Уной Ралти. Он не помнит её имени и не помнит даже, как она выглядит, потому что они трахались в темноте. Он не помнит её голоса, хотя они много разговаривали. Он помнит, как она держала во рту его член и смотрела на него своими серыми глазами. Именно этот взгляд запомнил Джереми Л. Смит. Именно его он увидел на обложке журнала.

Но у Спирокки есть к Джереми Л. Смиту ещё одно дело. Гораздо более важное, чем Уна Ралти и все римские шлюхи

вместе взятые.

Он стучится в дверь. Джереми уже готов. Он одет, он сидит на диване, справа от него – Мария, слева – Бьянка, а перед ним – телевизор. Показывают какую-то чушь про животных. Джереми неинтересно, но он чувствует усталость. Ему безразлично, что смотреть.

Потому что оживить старика с пулей во лбу, а затем превратить его в молодого человека, а затем оживить ещё одного старика – это сложнее, чем исцелить сотню джонов мерриков.

Он дотягивается до кнопки, разрешающей вход в апартаменты.

«Как вы себя чувствуете?» – Спирокки склоняет голову.

«Нормально. Чего тебе?»

Его так и не научили обращаться согласно рангу. Он умеет прочитать заготовленную речь, но со «своими» остаётся запанибрата.

«У нас есть дело, которое не касается девушек».

Мария и Бьянка тут же встают и покидают помещение.

«Ну чё?»

Спирокки умеет разговаривать с Джереми. Он давно знает, что намёки бессмысленны, а деликатность бесполезна. Что нужно брать быка за рога, вываливать всю информацию сразу. Говорить не «сделайте, пожалуйста», а «надо сделать».

«Омоложение больше повторять нельзя».

«Почему?»

«Потому что стариков множество. Тысячи. Миллионы. Миллиарды. Их больше, чем больных, во много раз. И они взбунтуются. На вас насаждают миллионы больных. К вам рвутся не только те, кто болен серьёзно, смертельно, кому не поможет никто, кроме вас. К вам рвутся люди с насморком и растяжениями – с мелочью. Вы знаете это. Вы хотите, чтобы к вам ломались старики и старухи, желающие стать молодыми?»

Джереми Л. Смит думает. Это сложный процесс. Шестерни в его голове поворачиваются медленно, со скрипом. Но они поворачиваются в верном направлении. Пугающе верном.

«А ты хотел бы стать молодым, а, кардинал?»

Спирокки не ждёт такого вопроса. Он может ждать чего угодно, но только не такого вопроса.

Перед Спирокки встают картины его молодости. Впрочем, она никогда не была молодостью в полном смысле этого слова. Практически с самого начала он избрал только один путь – путь Церкви. У Спирокки были женщины, и не одна. Он знает, что такое алкоголь, знает, что такое азарт и даже что такое кокаин. Но вопрос не в этом. На Спирокки всегда лежали какие-то ограничения – так или иначе. А теперь он стар. Теперь ему не нужны женщины. И ему не нужны деньги, потому что их – неограниченное количество.

Молодой кардинал Спирокки. Вечная власть. Серая гвардия. Мечта.

«Нет, – говорит кардинал. – Я прожил жизнь так, как должно».

Джереми опускает голову.

«Я ж всё могу», – говорит он тихо.

И это самое страшное. Он действительно может всё. Теперь он это осознаёт. Джереми Л. Смит протягивает руку к стакану с виски.

«Что это?» – спрашивает он.

«Виски».

«Попробуй».

Кардинал Спирокки пробует. Это «Джек Дэниэлс», отличный солодовый виски. Марочный.

Джереми берёт в руку стакан и встряхивает его – чуть-чуть, чтобы ни капли не пролилось на пол.

«Теперь, давай».

Это вино. Красное столовое вино.

Христос превратил воду в вино, чтобы помочь. Чтобы спасти от провала свадьбу своего друга, своего ученика. Чтобы принести радость.

Джереми Л. Смит превращает виски в вино. Только для того, чтоб показать кардиналу собственное всеисие. Это и есть последнее искушение. Это и есть прыжок с крыши здания. Диалог со львом в пустыне.

«Они верят в вас. Они будут требовать от вас новых чудес. Они не успокоятся. Вы не Христос, Джереми, потому что Христос нёс новое. И его разорвали на части. Распяли

на кресте. Вы несёте то же, что и он. И если у него – просили, то у вас – требуют. И в случае невыполнения угрожают расправой».

Джереми Л. Смит находится в патовой ситуации. Он не умеет играть в шахматы и не знает слова «пат». Но это положение трудно назвать иначе. Его король жив, но парализован. Любой ход сейчас приведёт к поражению. Остаётся продолжать то, что делалось раньше. Рутинно, конвейерно исцелять. Ездить по церковкам и городкам. Посещать хосписы и больницы. Строить из себя Мессию.

Однако у Джереми есть назначение. Просто ни он, ни кто-либо из окружающих не знают, в чём оно состоит.

Именно поэтому кардинал Спирокки решает вывести на доску новую фигуру. Шахматный джокер. Дополнительного ферзя. Уну Ралти, святую Марию Магдалину.

* * *

Уна появляется в резиденции утром, около десяти часов. На ней серая кофточка и длинное серое платье. Оспины на её лице тщательно замазаны белилами и покрыты пудрой. На голове – серая шляпка с вуалью. Она не похожа на шлюху. Впрочем, она уже несколько лет не шлюха, а телезвезда, поэтому может себе позволить выглядеть как угодно.

Её пропускают через все инстанции. Охранники смотрят на неё с благоговением. Они готовы целовать её туфли, пото-

му что она – Уна Ралти, святая грешница. Они видели её по телевизору, но никогда – рядом с Джереми Л. Смитом. Впрочем, у них не хватает мозгов, чтобы сопоставить эти факты.

Её встречает кардинал Спирокки, в овальном кабинете, в позолоте и росписях. Уна осматривается. Она в святая святых Ватикана, буквально в нескольких шагах от Джереми Л. Смита, от его роскошных апартаментов. Спирокки сидит перед ней за столом. Она закидывает ногу на ногу, обнажая розовую ляжку.

«Уна, вы знаете, что вы должны делать. И чего не должны. Мы не можем тронуть Джереми, но вы – пешка. Поэтому каждое ваше действие будет внимательно изучаться. И диктоваться, если это потребуется».

«Чего же хочет наш Джереми?»

Ещё год или два назад кардинал Спирокки точно знал, чего хочет Джереми. Он мог предсказать каждый его шаг. Но теперь – нет. Теперь Джереми может себе позволить поступать вопреки воле кардинала. Поэтому кардинал отвечает очень тихо, так, чтобы даже стены не слышали:

«Я не знаю».

Уна усмехается покровительственно.

«Зато я, кажется, знаю».

Она встаёт.

«Вряд ли, – говорит Спирокки. – Женщин у него как раз достаточно».

««Уна» означает «единственная», запомните это, карди-

нал», – говорит Уна.

И она права, эта римская шлюха, стерва, уродина с длинными ногами. Она права на все сто процентов, и кардинал Спирокки не знает, что с этим делать.

Джереми Л. Смит сидит в кресле, когда входит Спирокки.

«К вам Уна Ралти».

Джереми не сразу понимает, кто такая Уна Ралти, но когда понимает, наклоняется вперёд и делает пригласительный жест. И Уна заходит в комнату. Спирокки пятится и исчезает за дверями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.